

k

Украинский специализированный журнал

№83

КНИЖОК

2/83/2018

Колоть или?
Об оружии
Пареньский нож
Друг охотника
Эффективный нож

2/83/2018

ЧИТАЙТЕ

since 2003
Original Version
Подписной индекс
06540

КЛИНОК

С О Д Е Р Ж А Н И Е

**Апрель-Июнь
2 (83)/2018**

Журнал «КЛИНОК»
Квітень-Червень 2018 року
Рекомендована роздрібна ціна
60,00 грн.

Підписано до друку: 12.07.2018 р.
Надруковано: ТОВ «УКРПОЛІГРАФМЕДІА»,
04080, м. Київ, вул. Фрунзе, 104-А
Замовлення: №СФ-30264
від 12 липня 2018 р.

Заснований у січні 2003 року
Свідство про державну реєстрацію
серія КВ №6878 від 20.01.2003 року
Мови видання: руська, українська
Періодичність: один раз на два місяці

Передплатний індекс: **06540**
Телефон:

Vodafone +380 50 144 91 25
E-mail: info_zbroya@ukr.net

Website: http://www.klinokmag.com.ua
Поштова адреса редакції:

03190, м. Київ-190, а/с 19

Адреса редакції:
Київська область, Обухівський район,
м. Українка, вул. Промислова, 41.

Розрахунковий рахунок
26003499643900

в АТ «УКРСИББАНК» МФО 351005

Код ЄДРПОУ 30384730

Індивідуальний податковий №
303847310167

Свідство платника ПДВ №
13967398

Статті друкуються мовою оригіналу. Рукописи та фотографії
не повертаються і не рецензуються. Редакція не завжди
поділяє погляди авторів. При підготовці журналу були вико-
ристані матеріали зарубіжних видань.

Передрук матеріалів — з дозволу редакції. Автори
публікацій та рекламодавці несуть відповідальність за
точність наведених фактів, їх оцінку та використання відомо-
стей, що не підлягають розголошенню.

©2003-2018 ТОВ «Редакція журналу
«Зброя та Полювання»

Засновник та видавець:

ТОВ «РЖ «Зброя та Полювання»
Генеральний директор: Ю.С. Папков

В Редакції в наявності
слідуючі номери журналу:

2003 — 2, 3 400 грн.

2004 — нет.

2005 — 1, 2, 3, 4 300 грн.

2006 — 1, 2, 300 грн.

2007 — 4, 5 200 грн.

2008 — 1, 2, 3, 4, 5, 6 200 грн.

2009 — 1, 2, 3, 4, 5, 200 грн.

2010 — нет.

2011 — нет.

2012 — нет.

2013 — нет.

2014 — нет.

2015 — нет.

2015 — нет.

2016 — нет.

2017 — нет.

2018 — нет.

Стоимость одного номера ука-
зана вместе со стоимостью услуг
УкрПочты по доставке в пределах
Украины.

стр. 38

стр. 11

Стр. 33

стр. 29

стр. 3

стр. 14

Концепция

11 Оригинал

Мир увлечений

38 Мой «Друг охотника»

История оружия

34 Кинжал «Кама». Дополнение

Заметки на полях

3 Пареньский нож

Кунсткамера

9 Африканский клинок

Визитная карточка

41 Пасынок любимой фирмы

Классика жанра

14 «Гадкий» утенок

Портрет Мастера

36 Мастер Фред Перин, Франция

История Клинка

15 Несколько слов

о старинном холодном оружии

Справка Клинка

22 Колоть или рубить?

Дайджест

33 Эффективность боевых ножей

Полемика

29 Нож на досмотре

ПАРЕНЬСКИЙ НОЖ

Представленная фотография, выполненная на выставке «Камчатский нож — 3»

Мгновения славы и небытие

Владимир Выприцкий,
иллюстрации предоставлены автором

В настоящее время даже неспециалисты знают, что у многих народов на протяжении формирования их социумов, под влиянием уклада жизни и традиций, появились свои национальные или региональные (культовые) ножи. Все мы знаем, что существуют среднеазиатские пчаки, кавказские кинжалы, финские, лапландские и якутские ножи. В нашу задачу сейчас не входит вспоминать подробно об остальных, мир довольно велик и громадно многообразие этого клинкового изделия.

Для автора свой интерес представляет один нож, родившийся на северо-востоке Евразии, на территории, где проживают коряки. Этот нож получил свое название благодаря населенному пункту Парень, расположенному на берегу Пенжинской Губы. В советское время пареньские ножи стали популярны среди оленеводов Камчатки, Чукотки, да и охотники этих регионов и соседних

с ними (Дальнего Востока и Сибири) вполне оценили достоинства этого ножа. Такое отношение к нему сложилось не просто так, это были настоящие рабочие ножи, хорошо и долго сохраняющие остроту своего лезвия. Кто работал ножами, тот знает цену этому их качеству. Но в этом отношении можно выразиться и немного иначе. Как сейчас утверждают, промышленность СССР не выпустила ни одного достойного ножа, который своими рабочими качествами мог бы удовлетворить запросы указанных групп и смог бы приблизиться в сравнении с ними к пареньскому или якутскому ножам. А такой помощник всегда необходим людям, чья профессия связана с длительным пребыванием на природе вдалеке от мест цивилизации, которым приходится постоянно заниматься разделкой туш животных.

Такая особенность пареньских ножей, изготовленных из мягкой стали, но

Нож издавна является неразлучным спутником человека на пути нашей эволюции и до сих пор остается, наверно, самым распространенным у нас атрибутом в жизни и работе. Несколько меняя свой облик, он присутствует во всех направлениях деятельности. Начнем с нашей кухни, где, кроме кухонных ножей (которых несколько видов), присутствуют ножи в комплекте столовых приборов, есть также и ножи мясорубки, и пр. В быту мы пользуемся и другими ножами — канцелярскими и перочинными. На природе берем в руки туристические, рыбацкие, охотничьи, грибка и прочие ножи. Не будем отвлекаться на производственные ножи, присутствующие, как необходимый инструмент, под рукой у специалистов многих профессий. Но самыми первыми ножами, несомненно, были охотничьи ножи, которые появились уже у первобытного человека, как необходимый и основной инструмент при разделке дичи, мясом которой питались наши предки.

Отступление 1.

Интересная публикация об этом пареньском ноже появилась 11 января 1961 г. на страницах газеты «Камчатская правда».

В ней говорилось: «...если появляются на колхозном базаре пареньские ножи, то от покупателей нет отбоя. Оленеводы и охотники буквально атакуют наших кузнецов. Достать знаменитые ножи даже старики, и те не прочь. Почему их так ценят? В чем тайна пареньских мастеров? Кому-кому, а охотнику и пастуху-табунщику без пареньского

ножа, что без рук. Нож не простой, а особой закалки.

Издавна славятся наши умельцы-кузнецы искусством делать из простой стали удивительные ножи. После закалки ими можно с успехом резать даже сталь. Специалисты уверяют, что по качеству сталь наших ножей не уступает дамасской. В прошлом году колхоз расширил кузнечную мастерскую. Сейчас здесь делают не только ножи, но и копыя, металлические комплекты для собачьей упряжки, строительные скобы, гвозди разных размеров».

На фото внизу — нож из музея пос. Эвенск

прекрасно сохраняющих заточку лезвия, породила много легенд о технологии изготовления их клинков. И это удивляет, ведь их изготовители — корякские кузнецы из селения Парень своих секретов производства не скрывали, но во время пика славы пареньских ножей (1960-1980-е годы) никто из узких специалистов не проявил интереса и серьезно не изучил технологииковки корякского ножа. Может быть, это случилось из-за того, что в ручном кузнечном производстве пареньских клинков из привозного металла (так как эта местность не имеет железорудных месторождений) не было ничего архиуникального, что могло бы заинтересовать специалистов?

Попробуем в этом разобраться.

Вот таким образом, см. Отступление 1, журналисты, неспециалисты клинкового дела, создают ореолы таинственности, способствуя рождению на свет легенд, подогревающих интерес.

В народе говорят, что мир молвою

полнится. Сведения о пареньких клинках постепенно докатились и до западных границ бывшего СССР. Многие у нас на Украине, в том числе и автор этих строк, не знавшие ни условий жизни людей того региона, ни их быта, ни приоритетов их жизненного уклада, считали пареньский нож национальным ножом корякских оленеводов. Но, чтобы в этом разобраться окончательно, не мешает узнать, кто такие коряки на самом деле.

Исторические факты говорят о том, что вплоть до появления русских первопроходцев, изделия из железа были довольно редки у коренных жителей Чукотки и Камчатки, и у коряков в том числе. В этом отношении можно верить Георгу Вильгельму Стеллеру (участнику второй экспедиции Витуса Беринга в те края), который в своей книге «Описание земли Камчатки», рассказывая об обработке шкур животных местными жителями, несколько упомянул и инструмент, используемый ими для этого, сообщив о нем следующее: «...Потом они соскабливают шкуру тупою железкою, которую они сами выковывают холодною ковкую из старых котлов...»

О том, как высоко ценился металл у коренных народов Чукотки в XVIII веке, в своем труде Стеллер сказал так: «Если до прихода русских какой-нибудь островитянин раздобывал себе кусок черного железа длиною в два-три вершка и похожий на нож, то он считал его особым бо-

гатством и так кичился им, чтоставлял его на шесть перед своим жильем, чтобы показать прочим соплеменникам свое значение и богатство... Раньше они шили иглами из собольих костей, потом крупными железными японскими, которые и были их первыми железными предметами. От японского обозначения иглы — «зюзе» ительмены прозвали японцев зюземенами, игольщиками. Если игла у них ломается, они очень ловко вновь оттачивают конец ее, если же сломается ушко, они раскаляют иглу на огне, затем ковкую возвращают ей первоначальную форму и просверливают с помощью другой твердой иглы и деревянной дрели новое ушко, так что поправленная игла может служить по-прежнему».

Как видим, по утверждению очевидцев, у коряков, в том числе и жителей Парени, в XVII и XVIII веках развитой обработки металла в кузницах не было. Видимо, это занятие получило широкое распространение только в XIX веке. Свидетельством тому могут служить сведения исправника Колымского и Вилюйского округов Герхарда Людвиговича Майделя, который кроме основной работы с интересом изучал уклад жизни аборигенного населения в местах ему подведомственных.

В 1868-1870 годах он предпринял путешествие по Якутскому региону. В своем труде «Путешествие по северо-восточной части Якутской области в

1868-1870 годах барона Герхарда Майделя» (СПб., 1894-1896) о пареньских кузнецах он высказался следующим образом: «Самые искусные кузнецы находятся в Парени. Они очень долго куят клинки для ножей в полу-холодном состоянии, точь-в-точь как якуты, в результате железо хорошо шлифуется, ножи получаются очень острые, почти не зазубриваются и очень легко точатся. В железо врубаются вычурным узором глубокие линии, в которые вгоняются пластинки из меди и латуни, а затем шлифуются».

Прошу читателя обратить внимание, что Майдель отмечает длительную полухолодную ковку клинков пареньскими кузнецами. Мне это напоминает процесс придания остроты лезвию косы. Тот, кто с этим сталкивался, знает, что сначала косу отбивают, то есть ее лезвие утончают способом холоднойковки, только после этого затачивают и легко подправляют оселком уже во время работы ею. Об остроте лезвия косы после такой обработки никто почему-то не вспоминает, описывая пареньские клинки. А ведь лезвие у косы действительно очень острое, и эта острота сохраняется довольно долго, если коса не эксплуатируется без перерыва в течение дня (как это происходило во время сенокосов).

Г. В. Майдель был уверен, что коренные жители Чукотки и севера Камчатского полуострова, в том числе и коря-

Ножи, изготовленные в поселке Парень в разное время

Отступление 2.

В конце II тысячелетия до н. э. на территории северо-восточной части Евразии в группе палеоазиатских племен произошли этногенетические процессы, которые создали условия для образования приморской культуры предков чукчей, коряков и ительменов. А несколько позднее, в V-VI веках уже н. э. на берегах северной части Охотского моря окончательно сформировалась древняя корякская культура охотников на морского зверя. Эти морские зверобой и рыболовы вели оседлый образ жизни. В образованных ими постоянных поселениях люди проживали в земляных юртах, входом и выходом у которых служило дымовое отверстие. Характерными предметами их утвари являлись в основном инструменты из кости и камня. Охотничьим оружием были гарпуны (поворотные и зубчатые), луки и дротики, шлифованные ножи, топоры и тесла. Их керамическая посуда украшалась ложно текстильным орнаментом. У этой общности зверобоев сухопутная

охота, рыболовство и собирательство играли вспомогательную, то есть второстепенную роль. Хозяйственные контакты и культурные взаимоотношения с соседями тунгусами дали повод и способствовали распространению оленеводства и в среде древних коряков. Этот момент совпал со временем окончательного формирования современного корякского этноса. Пришедшие сюда в XVIII веке русские первопроходцы встретились здесь уже с двумя общностями коряков — морскими зверобоями и оленеводами. Первые упоминания о коряках были зафиксированы в официальных документах относящихся к 1630 — 40 годам. Коряки на своем языке оленя называют «хора», видимо от этого слова и появилось русское название этого народа — коряки. Себя же они называют иначе.

Нымылтын, нымылту — оседлые рыболовы и охотники на морского зверя.

Чавчыв, чавчывав — кочевые оленеводы (дословный перевод — оленевод).

ки, широко использовали продукцию кузнецов своих соседей — якутов. Предки жителей современной республики Саха принесли сюда эту культуру обработки железа со своей прародины — Южной Сибири. Они владели технологиями выплавки железа и получения стали из болотной и луговой руды, а также из железорудных месторождений, выходящих на поверхность земли. И вот здесь можно увидеть довольно удивительный момент. Эвены (то есть якуты), намного ранее коряков освоившие обработку железа, любой мужской нож называли заимствованным, не характерным для их языка, словом «пуйталади», что на языке паренцев обозначает «паренский нож», или «нож паренцев».

После Майделя темы пареньского ножа коснулся высланный в те края по наказанию народоволец Йохельсон Владимир Ильич, который позднее стал участником двух экспедиций в этом регионе (в 1898 и 1908-1912 годах).

Первую половину зимы 1900/01 года ему пришлось работать в селениях приморских коряков в Гижигинской и Пенжинской губе. О возможностях пареньских кузнецов того времени в своей

работе «Коряки. Материальная культура и социальная организация» он отзывался так: «...они умеют сваривать железо, но не все умеют сглаживать следы сварки. Клинки не полируют, но отделяют подпилками. Закалять не умеют, поэтому ножи мягкие и к остриям хороших копий и ножей для увеличения твердости приваривают тонкие стальные пластинки. Сталь покупают у торговцев или на русском складе».

Интересный факт уровня кузнечного дела в Парени уже в 1920-е годы поведал фольклорист и исследователь Севера Константин Иванович Бауэрман в одном из своих рассказов: «В Гижигу я приехал на пароходе «Симферополь». Из Владивостока плыли больше месяца. Два месяца дожидался зимнего пути, чтобы проехать в Парень. В пути пробыл четверо суток. Ехал на собаках. Парень представляла из себя некоторую автономию. Можно ли жить приезжему в селе, об этом решал Туземный совет.

По рассказам я знал, что паренцы не приняли направленного к ним секретаря Совета товарища Коробку и увезли его обратно в Гижигу.

Кем-то был пущен слух, что за

Ножны из шкуры нерпы.

Селение Парень, начало 70-х годов XX-го века

инструменты, которые я везу, с паренцев будет удержана вся стоимость, что работать они будут бесплатно, а все деньги пойдут государству. Я понял, что мастерскую организовать будет трудно...

Как видим автор, пытавшийся поднять кузнечное производство в этом поселке коряков, застал дело в плачевном состоянии, поэтому вряд ли можно было говорить в то время об интересных и сложных технологиях клинкового производства у местных кузнецов.

Этот же автор в другой своей работе «Жизнь среди пареньских кузнецов (отчет инструктора Пареньской слесарно-кузнечной мастерской, 1929 год)» подтверждает сообщение Йохельсона, что местные кузнецы могли ковкой сваривать железные и стальные полосы. Такие железо-стальные ножи они сами называли «заварными». Про эту технологию корякских мастеров клинкового дела К. Бауэрман довольно подробно поведал нам. Похоже, он смог так открыть кузнечную мастерскую в Парении.

Благодаря усилиям руководства Страны Советов, заинтересованного в развитии регионов Крайнего Севера и Дальнего Востока, удалось наладить и поднять на должный уровень кустарное кузнечное производство в этих местах. Кандидат исторических наук Александр Пика в своем очерке «Живущие у реки Пойтовоюм» (№ 8 журнала «Вокруг света» за 1988 г) пишет, что в Камчатском областном архиве была найдена докладная записка о хозяйстве селения Парень, ее составил краевед Пенжинской культбазы Комитета Севера В. Аполлов в самом начале 1930-х годов.

В ней говорилось: «Несмотря на примитивность и ограниченность орудий производства, Парень своей продукцией — ножами — до сегодняшнего дня снабжает не только население округа, но и частично туземцев всей Чукотки

Нож из собрания Российского Этнографического музея г. Санкт-Петербург. Длина клинка 39 см, ширина 4. 2 см. Подарен В. И. Йохельсоном

Представленная фотография, выполнена на выставке «Камчатский нож — 3»

и Колымы».

В этой записке Аполов сообщает также, что в то время в поселке, который насчитывал 207 жителей, работало 22 кузнеца, среди которых высоким мастерством отличались 11 человек. Эти мастера с ноября 1930 по март 1931 года (то есть всего за четыре месяца) смогли произвести ножей, топоров, копий, багров для байдар на сумму около 3500 рублей. Если деньги перевести в изделия, то за это время было отковано 35 топоров, 55 наконечников копий и произведено 2880 ножей.

Есть свидетельства, что до революции на Гижиге существовал государственный запасный магазин, куда специально для паренских коряков завозили железо. Трудно представить себе появление какой-нибудь особой сложной технологии создания клинков в этом месте, где всегда был дефицит железа, что не давало возможности проводить эксперименты в поиске новых способов и направлений ковки.

В самом конце декабря 1999 года мне очередной раз удалось посетить город моего детства и юности Львов. Там я

не мог не повидаться с друзьями, которые близки мне с детства и на протяжении всей моей жизни. На одной из встреч у Александра Кривоченко, бывшего кадрового офицера СА, которого служба заносила из Львова и на полуостров Камчатка, и на Дальний Восток, разговор зашел об охоте, и, конечно, коснулся охотничьих ножей. В то время они уже перестали в Украине классифицироваться, как холодное оружие, и стали доступны широкому кругу наших граждан.

В один из моментов Александр обратился ко мне с вопросом, знаю ли я, что такое паренский нож. На мой положительный ответ Александр ничего не сказал. Он на минуту вышел в другую комнату и вернулся со свертком из промасленной ткани и ножнами, выполненными из желтовато-оранжевой древесины. На них была выжжена надпись «Парень 1641». А в промасленной тряпке оказался клинок без рукояти, с выбитым на нем номером С 0237. Александр рассказал, что этот клинок изготовлен в поселке Парень. А приобрел он его в 1980-х годах, когда служил в ракетной бригаде, место дислокации которой находилось в то время на территории Корякского автономного округа. А точнее,

в поселке Каменское, расположенном километрах в двухстах от Парени, расположенного на западном берегу Пенжинской губы. Но это расстояние по прямой линии, учитывая и акваторию залива Охотского моря.

От Александра я снова услышал легенды об удивительной технологии создания паренских клинков, связанные и с иголками, вкованными в лезвие, и с битым чугуном, которым набивались обычные водогазопроводные трубы, и с металлом, который местные жители добывали с брошенных в этих местах кораблей. Но как вы могли заметить из приведенного выше, все это сказки, которые создавались по незнанию дилетантами кузнечного дела, или для подогрева интереса к корякским ножам. Последнее, в чем перекликается с американскими легендами о ноже полковника Боуи.

Александр говорил, что рукояти своих ножей коряки-оленьеводы выполняли из рога, предварительно долго вываривая его в кипятке. Особой формы рукояти они не придавали, а просто рукой в рукавице еще горячий рог обжимали для получения более-менее удобной формы для хвата всей руки. Интересно, что на фотографиях, которые можно найти через интернет, клинки паренских ножей насажены на деревянные рукояти.

Если более пристально и критически присмотреться к предложенным читателю здесь фотографиям ножей с клинками, изготовленными в Парени, можно наглядно увидеть, что на них изображены ножи с налетом общего стиля, который может быть присущ и обычным кухонным ножам. Какими-то особенными формами и одинаковыми размерами клинков эти ножи не выделяются в определенную, строго обозначенную группу. Присмотревшись, можно увидеть, что и спуски концов клинков несколько отличаются крутизной. Их деревянные рукояти имеют довольно простую, можно сказать примитивную форму. Ножи этих ножей, как видим, могут быть деревянными или кожаными, а изготовлены они, как это легло на

Карта Корякского автономного округа

Отступление 3

Корякский автономный округ — субъект Российской Федерации, располагался в северной части полуострова Камчатка, занимая 60% его площади. Кроме этого, включает в себя прилегающую к нему часть материка и остров Карагинский. Территория округа омывается с востока Беринговым морем Тихого океана (протяженность этой береговой линии округа более 1500 км), а с запада протяженность береговой линии округа, граничащая с Охотским морем, имеет длину поч-

ти 1500 км. «Большая российская энциклопедия» о коряках говорит следующее: «...народ в России, коренное нас. Камчатского края. Численность 8 тыс. чел., в т. ч. в Камчатском крае — 6,6 тыс. чел. (из них 6,5 тыс. чел. в быв. Корякском автономном округе), в Магаданской обл. — 0,9 тыс. чел. (2010, перепись). Ок. 1 тыс. чел. живёт в городах. Говорят в осн. по-русски, около 1,4 тыс. чел. сохраняет корякский язык, около 250 чел. — алюторский язык. Верующие — православные, сохраняются традиционные Культы.»

Пареньский нож с рукояткой работы автора

душу хозяину ножа. Для сравнения, вспомните ножны алтайского ножа или финского пуукко, которые имеют свои строгие стили во внешнем виде и своей форме. Мне кажется, что общая численность коряков (всего 8,0 тыс. чел.), проживающих в разных административных регионах, поддерживающие разный уклад жизни, практически утративших свой родной язык, и забывающие свои национальные традиции, не могла создать своего национально ножа. Этот путь только намечался, учитывая такое позднее знакомство этого народа с примитивной обработкой металла.

Но я в 1999 году, получив от Александра в подарок, описанный выше клинок с ножнами, не очень углублялся в историю этого ножа, который мне тогда казался национальным ножом корякских оленеводов. А теперешнее мое видение пареньского ножа окончательно сформировалось после знакомства в 2010 или 2011 году на киевской выставке «Мастер клинок» с москвичом Егоровым, одним из организаторов российской выставки «Клинок». Он детально, да еще уверенным тоном знатока, не допускающего никаких возражений, рассказал, что уже более 20-и лет производства клинков в умирающем ныне поселке Парень не существует. И собственно «Пареньского ножа», как единого понятия, определяющего общие черты во внешнем виде и оформлении, что присуще национальным ножам, не существовало, как не существовало и легендарных технологийковки с набитой чу-

гунным боем трубы или использованием швейных иголок. А те ножи, которые в настоящее время выпускает камчатская мастерская В. К. Сушко под брендом «Пареньский нож», запатентованным в 2010-х годах, это все новоделы, скорее сувенирные, не имеющие никакой связи с ушедшими в прошлое оригинальными ножами, которые коряки еще в прошлом веке изготавливали в Парени.

Много интересного и убедительного в подтверждение этого и развеивающего налет романтических легенд о пареньском клинке, я нашел в статье Леонида Архангельского «Пареньский нож. Легенды и быль», размещенной на страницах журнала Общества исторического оружиеведения «Историческое оружиеведение» №1, 2015 г.

Л. Архангельский, подняв историю развития кузнечного дела в Парении, не остановился только на теории. Он своим личным опытом на практике подтвердил возможность изготовления «заварных» (как выражались корякские кузнецы) клинков из полос стали и железа с помощью несложной технологииковки, в том виде, как ее описывал девяносто лет назад очевидец К.И. Бауэрман.

Л. Архангельский доказал, что она в Парении могла иметь место. Но, вместе с тем, он проверил право на жизнь и «трубной технологии», в которой должны свариваться кузнечным способом высокоуглеродистая сталь с низкоуглеродистой, или чугуна с низкоуглеродистой сталью. Своим экспериментом возле горна, работая молотом на наковальне,

он доказал право на жизнь и этой технологии, но только без использования трубы, а с применением открытой формочки, заполненной боем чугуна. Да и то, только при условиях нагрева заготовки до температуры плавления чугуна и особых приемовковки. При этом он отметил, что уровень теоретических знаний и практического опыта пареньских кузнецов и в прошлом веке не давали им возможности даже приблизиться к этой технологии, а не то чтобы реализовать ее в своих примитивных кузницах.

Чтобы читатель лучше ощутил все сказанное выше, позволю себе привести здесь выдержки из статьи Л. Архангельского: «...В поздние советские годы план стал увеличиваться. Очевидцы рассказывали, что в оленеводческие совхозы ножи завозил и буквально ящиками, и каждый мог взять себе нож без записи и без оплаты. Эти массовые ножи привозили совсем не точеными (то есть без заточки лезвия), и толщина кромки на лезвии составляла два миллиметра, хотя после трудоемкой заточки они резали вполне хорошо...».

«...Легендарная технология оказалась вполне рабочей и даже хорошей. Но... с течением времени выяснился один нюанс — никто из местных коряков в Парени и окрестностях о ней даже не слышал, а приезжие довольно единодушно отвергали саму возможность того, что коряки — паренцы с нулевым уровнем пассионарности могли сами, с нуля, разработать столь сложную технологию. Да и откуда в тех краях чугуна и

Подарочный пареньский нож.
60-е годы XX-го века

трубы в нужном количестве?..»

Выводы Л. Архангельского подталкивают к мысли о том, что вся хитрость в создании коряками ножа с удивительной заточкой лезвия перекликается с технологиями якутов. Герхард Майдель, помните, наблюдал ковку заготовки клинка в полу-холодном состоянии. Таким образом, уникальность лезвия создавалась с помощью наклепа, меняющего структуру металла в этом месте.

О скорбном финале жизни оригинального пареньского ножа Л. Архангельский выразился следующим образом: «...Реалии советской северной жизни привели к тому, что производство ножей в Парени к концу 80-х годов полностью прекратилось, да и само селение практически исчезло. Несколько домов, два десятка жителей — и ни одного кузнеца. Двухсотлетняя легендарная традиция изготовления пареньских ножей прервалась...»

Пропала не только интересная и уникальная технология корякских кузнецов, скоро с лица земли исчезнет сам поселок Парень, родина пареньского ножа. Об этом еще тридцать лет назад в 1988 году тогдашний председатель сельсовета Владимир Алексеевич Лыхив в об-

щении с кандидатом исторических наук Александром Пика поведал следующее: «Ничего не знаем. Нам говорят: «Решение уже принято. Закройте ваш поселок как «неперспективный». А почему неперспективный и почему решение принято без нашего согласия — этого нам никто не говорит». Получается, что название Парень скоро останется только в анналах истории и архивных документах.

В настоящее время в Петропавловске-Камчатском проходят ежегодные тематические выставки, посвященные ножам. Такая выставка «Камчатский клинок — 3» состоялась 19 января текущего 2018 года. Среди прочих экспонатов на ней демонстрировали корякские ножи и копы из металла периода 18-19 веков, пареньские ножи начала прошлого века, современные кабинетные ножи от камчатских резчиков по кости: Егора Чечулина, Григория Лабинского, Павла Дудко и Равиля Файзулина, Владимира Цоя. Две фотографии с выставки демонстрируют небольшую часть ее экспонатов, среди которых можно увидеть пареньский нож середины прошлого века.

Пусть не было корякского национального ножа, но клинки, изготовленные ранее в умирающем ныне поселке

Парень, еще продолжают существовать, радуя своими качествами владельцев. Эти изделия со временем становятся еще более уникальными, и, возможно, немного позднее ореол таинственности вокруг этого ножа будет сгущаться еще более, а количество легенд, связанных с ним, увеличиваться. Но, как бы там ни было, качество этих изделий я могу ощутить на своем ноже, клинок которого мне подарил Александр (извините, оружие не дарят, я купил его за 1 грн). С 1999 года нож серьезно не эксплуатировался, поэтому не подвергался заточке, но остроту лезвия держит на прежнем уровне, и с ним необходимо быть осторожным, чтобы не порезать руку. Я посадил клинок на рукоять из древесины груши, правда, придал ей форму далеко не традиционно принятую у коряков. Не усиливал я и рукоять обжимным кольцом у входа в нее черенка клинка. Те функции, которые я возлагаю на свой нож, такого усиления не требуют, а прочности самой древесины для этого вполне достаточно. Я специально не зачищал поверхность клинка ножа перед его фотографированием, чтобы показать с помощью следов окисления на клинке, из какой стали он изготовлен.

Пареньский нож с рукоятью работы автора. Чехол оригинальный

АФРИКАНСКИЙ КЛИНОК

В 1886 г., столкнувшись с практикой европейского «проникновения», император Эфиопии обратился с посланием к правительству Великобритании: «Как можно говорить, что я должен передать итальянцам страну, полученную мною от Иисуса Христа? Пусть итальянцы поступают, как заблагорассудится, пока я жив, я не собираюсь прятаться от них». Очевидно, что для ведения политики Достоинства, противостоящей белым пиратам, императорам Эфиопии была нужна мощная армия.

Поступая на службу эфиопский воин-пехотинец получал от своего предводителя саблю, щит, ружье и пояс-патронташ. Наличие на вооружении такого казалось бы архаичного в эпоху магазинных винтовок предмета как щит легко объяснимо. Армия вела боевые действия не только против европейцев, но и против суданцев и туземных племен, широко употреблявших холодное оружие, для защиты от которого и служили щиты. Щит «гаша» изготавливался обычно из шкуры носорога или гиппопотама и имел диаметр до $\frac{2}{3}$ аршина. Чтобы сабля не мешала действовать щитом и ее можно было извлечь, не раскрываясь перед противником, эфиопы носили ее на правом боку, на ремне через левое плечо. Леонтьев, «русский дворянин на службе императора Менелика», говорит об использовании эфиопами трех видов сабель.

К первой группе он относит суданские мечи «каскара».

Это оружие с прямым обоюдоострым клинком, обычно плоским, без долов, длиной около 85 см и симметричной рукоятью с крестообразным эфесом тогда считалось культурным наследием португальцев, проникших в страны Аф-

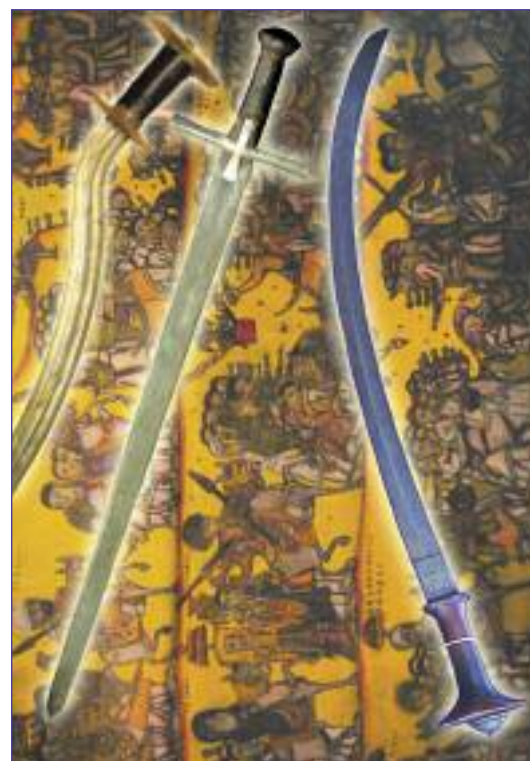
риканского Рога в качестве наемников в начале XVI ст.

Подобные культурные мифы (признавать значение других культур в развитии цивилизации, у европейцев, ограбивших полмира, «рука не подымается») сочиняли и французы вокруг меча туарегов, с той лишь разницей, что они выводили его родословную от воинов Людовика Святого, ушедших в пустыню. С наибольшей вероятностью суданский меч, как и меч туарегов, можно считать реликтами древних арабских, так называемых, йеменских, мечей. Между Аравией, Эритрей и Эфиопией издавна существовали интенсивные торговые и культурные связи.

Вторую группу образуют традиционные эфиопские сабли «шоталь». Скорее всего, под этим названием европейцам стала известна сабля, употреблявшаяся народом оромо (галла). Из галласов — отличных наездников — формировалась эфиопская кавалерия. Основным оружием кавалеристов служили металлические копья «тор». Обычно всадник имел два копья длиной в сажень с наконечниками в $\frac{2}{3}$ аршина, они различались только весом. Более тяжелое метал на скаку шагов с семидесяти, второе — накоротке. Копье считалось грозным оружием, оно нередко пробивало щит, его «страшно все боялись» и охотно покупали заговоры «от ранения пикой». Только после удара копьём пошатнувшегося противника принимали в сабли. Удары обычно наносились просто, сверху-вниз. Они отличались силой.

Видевшие поля битв итало-эфиопской войны утверждали, что находили перерубленные пополам тела, еще издававшие признаки жизни.

Сама сабля «шоталь» является ти-

Австрия, Талер Мария Терезия, серебро, рестрайт

Эфиопский щит и сабля народа оромо

В последней четверти XIX ст. российские военные и «солдаты удачи» такие, как Леонтьев, Булатович, Артамонов или фон Арнольди, были очень активны в Эфиопии.

В их описаниях вооруженных сил и торговли этой страны содержится немало сведений и о холодном оружии. Особую ценность таким, вообще-то скучным, сведениям придает практическое знание авторами приемов владения холодным оружием.

К примеру, Александр Булатович в 1893–1894 гг. обучался в знаменитой фехтовальной команде Лейб-Гвардии Конно-гренадерского полка, а затем преподавал фехтование в учебной команде Лейб-Гвардии Гусарского полка. Так что, в отличие от многих этнографов, он знал, о чем именно пишет.

В те годы Эфиопия, как некогда средневековая Испания, была страной «воинов и монахов».

Династия эфиопских царей берет свое начало от Менелика I, внебрачного сына царицы Савской и царя Соломона. В память о своем происхождении правители Эфиопии титуловали себя «лев из колена Иуды».

Предшественник Менелика II Абба Бээбээ Каса, правитель Тыграя, возведенный на престол императоров Эфиопии под именем Йоханнесса IV, согласно характеристике эфиопского историка Баиру Тафла, был «аристократом по происхождению, клерикалом по образованию, фанатиком по религиозному рвению, националистом по наклонностям, националистом в политике, воином и императором по профессии».

Ножны меча из кожи варана

Рукоять суданского меча имеет характерную форму

Рукояти эфиопских сабель

Суданский меч «каскара» и парные кинжалы

пично пехотным оружием. Характерной ее особенностью является относительно короткий, около 60 см серпообразно изогнутый обоюдоострый клинок, что позволяет бить им навесно — через щит. Подобное оружие — копеш — было известно еще древним египтянам.

Но наибольшей популярностью в Эфиопии к концу XIX ст. пользовались сабли «горадие», оружие с европейским клинком в традиционной оправе. По свидетельству Булатовича основной ввоз оружия происходил через французский Джибути. Стоимость сабельного клинка составляла 12 талеров. Для сравнения, император покупал винтовки Гра для казны по 18 талеров, а на сторону их продавали по 20-25 талеров. Сами эфиопы предпочитали длинные тонкие клинки немецкого производства. Производители охотно украшали их любимыми ориентальными узорами и надписями. Так что пышные травленные надписи на клинках отнюдь не свидетельствуют об их древности. Все это сплошь изделия конца XIX — начала XX ст.

Оправа сабель «шоталь» и «горадие» оставалась типично эфиопской. Черенок рукояти изготавливали из рога и насаживали на хвостовик. Если простое оружие оправляли в бычий рог, то оружие знатных людей имело рукояти из рога носорога. По этому признаку можно судить о достоинстве попавшегося в руки изделия. Хвостовик обычно расклепывали поверх рукояти. В качестве подкладной шайбы употребляли популярную в регионе монету — так называемый талер Марии-Терезии. Большинство талеров было выпущено в конце XIX — первой половине XX ст. Было осуществлено несколько эмиссий данной монеты, поэтому она вряд ли может служить для датировки оправы.

Характерно, что и суданские мечи, и сабли «шоталь», и «горадие» могли иметь рукояти одинаковой формы. Причиной является эргономичность черена. Симметрично расширяясь от середины вверх и вниз, черен образует поверхности, удобные для фиксации пальцами. Именно для иллюстрации этого качества в своих описаниях мечей викингов Окшотт приводил в пример рукоять «всем

известного суданского меча». «Эти рукояти выглядят неуклюжими, но в действительности они очень широкие и хорошо ложатся в руку. Совсем недавно в Судане существовали мечи с рукоятями совершенно такого же вида».

В Эфиопии при Менелике II сабля, как и щит, служили также знаками воинского отличия. Первой наградой считался золотой наконечник на ножны сабли. Более высоким отличием считались кольца на рукоять оружия по числу оказанных подвигов. В 1898 г. самое большое число наградных колец имел рас Мэкконын, один из крупных локальных правителей, считавшийся наследником (и соперником) Менелика.

Наградное оружие было пожаловано Менеликом II и русским, в том числе, Булатовичу и Леонтьеву.

В числе царских подарков, привезенных в 1897 г. в Эфиопию чрезвычайной дипломатической миссией, находилось и оружие, в том числе щит, изготовленное «в эфиопском стиле». Сам «эфиопский стиль» пришлось срочно воспроизводить по образцам, привезенным поручиком Машковым.

ОРИГИНАЛ

В некоторых случаях оценка, вынесенная в заголовок статьи носит ироничную оценку, но, пожалуй, не в данном случае. В отношении к автору конструкций, о которых пойдет речь в данной статье, «оригинал» носит уважительно-восхищенную оценку. Конструкцию SOS автор впервые представил на выставке IWA 2005.

Сэми Стиннер, 1962 г.р. (Sami Stinner) — профессор биологии и земледелия в гимназии Зальцбурга и уже пару-тройку десятков лет на досуге изготавливает ножи.

В сфере интересов Стиннера кроме европейских и японских стилей ножей пребывают также различные креативные конструкции и ножей складных. К настоящему времени на его счету уже более четырех патентов и несколько патентных заявок.

Данная конструкция SOS (Side Opening System) относится к типу шарнирно-рычажных с боковым выдвижением клинка плашмя — вдоль оси, проходящей через пятю клинка. Читателям уже известны такие представители данного семейства как Boeker Quickflip, CRCT-snaplock, или нож венгерского дизайнера Вёрёша (Voeroes). Однако до сих пор подобные конструкции не получили распространения на мировом рынке. Причины тому самые различные: от недостатков конструкции — до ошибок маркетинга. В сравнении с тем же ножом Вёрёша, конструкция Стиннера, названная им по одному из ее элементов Winglock, выглядит намного стабильнее. Рукоять ножа изготовлена из конструкционной стали D2 (Boehler K 110). Для уменьшения массы в ее боковых поверхностях имеется большое количество отверстий различного диаметра, частично прикрытых накладками. Рукоять состоит из двух частей. Верхняя пластина, по терминологии конструктора «крыло» — Wing, прикрывает гнездо — вместилище клинка в нижней пластине-рамке. Пластины покрыты накладками из микарты с декоративной прокладкой из фибры. Накладки имеют несколько меньшее количество отверстий.

Клинок изготовлен из той же стали, что и рукоять, только закален несколько тверже. Если пластины имеют твердость около 55 HRC, то клинок — около 60 HRC. Полоса, из которой изготовлен клинок, имеет достаточную толщину, через отверстие, просверленное сквозь пятю от обушка к лезвию, проходит ось диаметром 3 мм. Она также изготовлена из закаленной углеродистой стали.

Соединение платин производится в трех точках. Вдоль оси, размещенной в боевом упоре со стороны лезвия, «крыло» вращается относительно рамки. Два других штифта: на боевом упоре со стороны обушка и в головке рукояти с той же стороны, служат для фиксации «крыла» в запертом положении.

Описание конструкции ножа и работы механизма выглядит более сложным, чем его раскрытие-закрытие. Для этого достаточно сдвинуть «крыло» большим пальцем, преодолев легкое сопротивление подпружиненного шарикового фиксатора. Легким движением кисти в горизонтальной плоскости клинок выталкивается из рамки и занимает боевое положение. Если нож после это-

го несколько поднять острием вверх, то «крыло» само скользнет на свое место. Однако чтобы закрыть нож, необходимо вернуть «крыло» на свое место, сжав рукоять в ладони. После того как вы услышите щелчок запирающего механизма — нож готов к работе. Проведение всех этих операций в SOS, как и в прочих шарнирно-рычажных конструкциях, требует навыка.

По мнению конструктора, преимуществами SOS является большая прочность запирания изделия в целом. Благодаря своей конструкции нож имеет также оптимальное, более выгодное, чем в прочих «фолдерах», соотношение между длинной рукояти (130 мм) и клинка (109 мм). Нож позиционировался конструктором в качестве «тактического».

Прототип имел даже обоюдоострый, ромбический в сечении, кинжальный клинок. Только потом, в соответствии с рыночными трендами, он был заменен на «социально приемлемый»

Прототип Winglock имел «кин- жальный» клинок

однолезвийный с заточкой скоса.

Специалисты считают, что применять конструкцию Стиннера имело смысл именно в первом варианте. Закрывающаяся рамка позволяла использовать в «фолдере» обоюдоострый клинок без риска порезаться об него в сложенном положении ножа.

Сам конструктор предполагал также использование ножа в сложенном положении в качестве орудия «куботан по итсу» — для надавливания на нервные узлы противника. Значительная, в сравнении с прочими тактическими «фолдерами», прочность изделия на изгиб обеспечивается как продольным размещением оси с опорой пяты клинка на обе пластины, так и наличием в рукояти прочной спинки. В этом нож Стиннера превосходит, например, S.E.R.E. от Al Mar. При этом нож Стиннера легко очищается и моется.

Однако все данные качества были приобретены ценой значительного прироста массы в сравнении с прочими тактическими «фолдерами». При общей длине в раскрытом положении 237 мм нож имеет массу 280 г. Также цена прототипа ручной работы (760 евро) остается высокой для практикующего потребителя, не являющегося коллекционером.

Вначале интереса у крупных про-

изводителей ножей конструкция Стиннера не вызвала.

Недостатком предложенного им решения можно считать вращение довольно массивного «крыла» вокруг оси небольшого, около 3 мм, диаметра, на которой оно и «повисает», опираясь на небольшую поверхность ограничителя в самой дальней точке своего «маятникового» движения. Такое решение, при необходимости обеспечить скольжение «крыла» по поверхности рамки без перекаса, чтобы крыло за нее «цепляло», вызывает повышенные требования к прочности деталей и точности посадки. Поэтому и твердость рамки целых 55 HRC. В связи со всем этим конструкция Стиннера мало пригодна (и это хорошо) для пиратского домашнего производства.

На выставке IWA 2006 Стинер представил свою новую разработку

Do-Bo-Lock — дальнейшее развитие и улучшение конструкции Winglock. Судя по направлению конструкторской мысли, он и сам знает недостатки решения, предложенного им ранее, и стремится их устранить. Так, вращение (откидывание) «крыла» происходит в Do-Bo-Lock уже в другой — горизонтальной плоскости. Ось, вокруг которой «крыло» вращается, размещена теперь в головке рукояти. «Захлопывание» рукояти производится на два штифта, размещенные в ограни-

Ножи серии «aX-Djbolock Heavy» ТТХ

Полная длина, мм	248
Длина клинка, мм	108
Длина лезвия, мм	100
Толщина обуха, мм	4,8
Материал клинка	сталь AUS-8
Твердость лезвия, HRC	57
Длина рукоятки, мм	144
Толщина рукоятки, мм	17
Масса, г	164

Материал рукояток анодированный алюминиевый сплав T6061;

Клинок имеет антибликовое и антикоррозийное покрытие из нитрида титана (TiNi)

aX Djbolock

— 1 —

чителе. Все это несколько прибавило из-делию технологичности и эргономики.

Запрет на ношение «одноручных» ножей, принятый в ФРГ в 2008 г., «при-кончил» бы всю идею на корню, по край-не мере, в Германии, если бы не экс-порт. Выпускаемый в небольших коли-чествах нож и интерес к нему привел, согласно закону «Спроса и Предложе-ния», к тому, что и ряд фирм начал вы-пускать изделия этой концепции и нож начал «победное шествие по планете»...

Нож DOBOLOCK FX-301 ТТХ

Полная длина, мм	235
Длина клинка, мм	105
Толщина обуха, мм	3,8
Твердость лезвия, HRC	57
Длина рукоятки, мм	235
Материал клинка нержавеющей сталь 440C	

Материал рукоятки анодирован-ный авиационный алюминий T-6061

— 2 —

— 3 —

Как правило, ножи шарнирного ти-па, за исключением, пожалуй, балисон-га, не получается открыть с помощью одной только руки, однако Стиннеру удалось сконструировать шарнирный нож, лишенный этого недостатка.

Его оригинальная конструкцию так-тического ножа, с надежной фиксацией клинка и возможностью его быстрого открывания одной рукой выполнена та-ким образом, в отличие других констру-кций ножей с поперечным от-крыванием клинка, у которых шарнирные узлы на-ходятся у основания клинка, что они (в конструкции Стинера) симметрично раз-несены по обе стороны рукоятки.

Именно так реализована концепция «aX-Djbolock», где «aX» — поперечное открывание клинка, а «Dobolock» — двойная фиксация клинка — рукоятка-ми-рамками и двумя ригелями.

Вначале нож производила компании «PI Knifes», специализирующаяся на раз-работке «инновационных» ножей (PI — Progress through Innovation — Развитие на основе инноваций).

Компания «PI Knifes» производит четыре разновидности этого ножа «aX-Djbolock Heavy 1, 2, 3 и 4», которые отличаются наличием или отсутствием серейтора на лезвии и цветом наклад-док-рамок рукоятки. Все ножи имеют клинок копьевидной формы. Для изго-товления этих ножей используются про-изводственные мощности на Тайване.

В отличие от большинства тактичес-ких ножей с серейтором в ножах «Dobolock» (модели «Heavy 2 и 4») он расположен не у основания клинка, а у его острия (считается оптимальным рас-положением для ножевого боя).

В свое время производство ножа этой концепции было организовано, в несколько измененном виде, отделени-ем тактических и боевых ножей «FKMD» известной итальянской ножевой компа-нии «Fox Cutlery» («DOBOLOCK», FX-301). На ножевом шоу «Blade Show Cutlery Fair» в 2011 году нож победил в конкурсе на лучший инновационный ди-зайн ножа.

От оригинальной модели нож компа-нии «FKMD» отличается несколько меньшими размерами, в том числе и толщины обуха, смещением серейтор-ного участка к основанию рукоятки. Вместо AUS-8 для изготовления клинка была использована нержавеющая сталь 440C. Как и в модели «PI Knifes» клинок

— 4 —

— 5 —

имеет покрытие из нитрида титана.

«Dobolock» — удобный и доста-точно мощный тактический нож. По-жалуй, единственным его недостат-ком является его высокая (некоторые специалисты считают — завышенная) «европейская» цена. Впрочем, ки-тайские производители всегда пре-доставят возможность оценить удоб-ство любого изделия, выпускаемая его клон по доступной цене.

Клинок

— 6 —

«ГАДКИЙ» УТЕНОК

Нож фирмы Spyderco C80 GPBL Dodo был первым ножом, разработанным Эриком Глессером для Spyderco. Эрик — сын президента Спэйдерко Саль Глессера. В ноже применено «первое поколение» запатентованного Spyderco механизма Lock Bearing Lock, достаточно сложного в использовании. Был усовершенствован в более поздних версиях.

Материал рукояти G-10. Материал лезвия CPM-S30V. Отделка лезвия сати-нированием.

Запирающий механизм ножа — Ball Bearing Lock от Spyderco впервые был представлен на выставке IWA 2003. Устройство «подшипникового фиксатора», как это название можно перевести с английского, довольно просто и во многом напоминает Axis-Lock.

В прорези пластин и накладок рукояти, вдоль ее спинки, размещен подвижный подпружиненный штифт, головку которого образует шарик из закаленной стали. Когда нож сложен, шарик корреспондирует с покатым плечом пяты клинка — со стороны лезвия, что позволяет раскрыть нож. При этом шарик, несколько выступающий над поверхностью накладок рукояти, может служить для уменьшения усилия, прилагаемого к клинку — если его несколько сдвинуть назад.

В раскрытом ноже с шариком корреспондирует уже противоположное, со

стороны обушка, вогнутое плечо пяты клинка. При попытке сложить нож простым давлением на клинок данный секторный вырез надавливает на шарик, отжимая его вверх-вперед и препятствуя, таким образом, непроизвольному закрытию ножа на пальцы пользователя. Чтобы сложить нож, необходимо несколько оттянуть шарик назад.

Интересно, что для проверки прочности и надежности фиксатора, американским потребителям рекомендуют использовать те же приемы, что и отечественным. Только у них они называются красивее. Тест Spine Whack (удар по хребту) проделывают, ударяя обушком раскрытого ножа о какой-то твердый, желательно деревянный, предмет. Если нож закрылся вам на пальцы, можете приобретать другой — для однорукого левши. Тест White Knuckle (побелевшие костяшки пальцев) состоит в том, чтобы сжать рукоять как можно крепче. Если фиксатор при этом ослабевает, что случается в некоторых больших «Вояджерах» и «Вакеро» от Cold Steel, последующие действия — как описано выше.

В принципе, создатели нового фиксатора и не скрывают, что ножи с фиксатором Ball Bearing Lock, например, C80 GPBL Dodo, C82 D'Allara Rescue Knife Spyderco имеют в основном коллекционное предназначение.

Spyderco D'Allara Rescue назван в честь офицера полиции John D'Allara, который погиб 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, во время крушения Всемирного Торгового Центра после террористической атаки. Серрейторный клинок в форме Drop Point изготовлен из премиум стали VG-10, с финишной обработкой Satin Finish. Объемная рукоять, усиленная стальными лайнерами, выполнена из двунаправленного FRN, благодаря чему очень удобно ложится в руку и совершенно не скользит. Механизм фиксации лезвия — Ball Bearing Lock, имеется проволоочная переставляемая клипса и отверстие под темляк.

C82 D'Allara Rescue Knife

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СТАРИННОМ ХОЛОДНОМ ОРУЖИИ

ЭДУАРД фон ЛЕНЦ

Довольно твердо установилось мнение, что у нас в России, за весьма немногими исключениями, нет людей, интересующихся историческим развитием оружия и что такое равнодушие к памятникам боевой старины, — как это ни странно, — встречается преимущественно среди военного сословия.

Не нам судить о том, насколько основателен делаемый нашему офицерству упрек; считаем, однако, своим долгом засвидетельствовать, что если безразличное отношение к прошлому оружейного искусства составляет правило, то мы тем более должны быть благодарны счастливому случаю, познакомившему нас с целым рядом «исключений», с людьми, понимающими толк в старинном оружии, умеющими ценить в нем и боевые качества, и произведение художника и памятник старины. Такого рода личный опыт дает нам право полагать, что и вне круга наших случайных знакомых найдется немало лиц, относящихся с любовью к истории оружия, найдутся любители, интересующиеся подробностями по части производства, отделки и украшения, найдутся собиратели, желающие по историческим данным проверить свои личные наблюдения, найдутся, наконец, и знатоки, могущие дополнить и исправить сообщаемые здесь сведения.

Вот те соображения, которые побуждали нас, по приглашению редакции «Альманаха Армии и Флота» предложить читателям краткий очерк исторического развития холодного, или, вернее, белого оружия. Само собой разумеется, что в узкой рамке журнальной статьи нечего и помышлять о полноте и систематичности изложения: даем лишь в самых крупных чертах набросок постепенного изменения форм белого оружия, с указанием наиболее характерных признаков, могущих руководить при определении времени и места изготовления клинков. Изложение коснется, преимущественно, западноевропейского оружия, как наименее знакомого нашим соотечественникам; исходной же точкою очерка возьмем эпоху крестовых походов, в тех видах, что оружие, принадлежавшее к более отдаленным временам, почти исключительно составляет достояние музеев и едва ли попадает в руки частных собирателей...

Статья была опубликована в «Альманахе армии и флота» в 1902 г.

Эдуард фон Ленц — заведующий собранием оружия Эрмитажа с 1899 по 1919 г. Автор кратко рассматривает эволюцию холодного оружия в Европе в X–XVIII в.в., отмечает его некоторые конструктивные особенности, связанные со спецификой боя в этот период. Обращает внимание на различия в эволюции европейского и восточного оружия на примере различий в конструкции эфеса.

Отдельно автор касается украшения и клеймения клинкового оружия. Автором описываются клейма, ставившиеся мастерами Германии, Италии и Испании.

I. Очерк развития белого оружия

Определение времени и места изготовления клинка представляет немало затруднений даже в тех случаях, когда на помощь исследователю являются техника различных украшений, рисунок узоров, знаки и клейма мастеров.

При отсутствии же подобных вспомогательных данных приходится судить лишь по одной форме предмета — с тем большим вниманием следует придерживаться основного положения о том, что всякое наступательное оружие непременно рассчитывалось как во внешних своих очертаниях, так и по внутренним качествам в строгой зависимости от современных ему оборонительных средств. И, наоборот, оборонительное оружие видоизменялось соответственно ходу развития наступательного.

Руководствуясь этим соображением, наши собиратели не делались бы так часто жертвами грубого обмана и относились бы более критически к уверениям продавцов старинного оружия, без всякого стеснения приписывающих например, легкий сабельный или шпажный клинок — временам крестовых походов, алебарду с прорезным слабым топориком и вычурным крюком — эпохе Карла Смелого и т.п., тогда как достаточно одного взгляда на подобное оружие, чтобы убедиться в полной его непригодности против воина указанных времен, закованного в плотную стальную броню, положительно непроницаемую для таких невинных наступательных средств.

В XII в. рыцарский доспех уже настолько усилился, что мечи для достижения своей цели должны были иметь достаточную длину и вес для раздробления. Так, например, шлема или щита и зачастую, для некоторого облегчения массивного широкого клинка в 80 см до 1 метра длины, по обе стороны выбиралось по плоскому широкому долу и на конце рукоятки приспособлялся круглый плоский набалдашник, как необходимый противовес непомерной тяжести

полосы. Рука была защищена от неприятельских ударов одним только крестом с небольшими концами, притом весьма мало возвышающимися над боковыми плоскостями клинка. Несомненная недостаточность такого оборонительного приспособления объясняется весьма естественно тем, что мечи в то время служили исключительно для нанесения ударов, не для отражения неприятельского оружия, от которого рыцарь укрывается под щитом.

В течение XIII и XIV вв. доспех постепенно совершенствовался, превращаясь, по мере развития искусства в обработке металла, в целую систему плотно связанных между собою стальных пластинок. Соответственно сему изменились и полосы мечей: клинок усилился, вместо плоских дол часто выковывались крепкие крутые ребра, полосы постепенно все более и более применялись к уколу и с этой целью сводились к тонкому острию, способному проникать между досками доспехов и пробивать кольчугу. В то же время меч всадника окончательно отделился от меча пешего ратника и выработался особый тип «всаднического меча на полторы руки» с рукоятью, не достигающею чрезмерной величины позднейших «двуручных» мечей ландскнехтов, но достаточной длины, чтобы, для усиления размаха, можно было приложить и левую руку.

В XV в. рыцарский доспех достигает полного развития и, вместе с тем, за ненужностью, исчезает щит, с XII в. постепенно уменьшавшийся по мере того, как ноги всадника тщательнее прикрывались стальными досками. С исчезновением щита настала необходимость отражать удары противника мечом, а для этого прежде всего нужно было, сего, приспособить рукоять меча к более действенной защите руки. С этой целью середину гладкого до сего времени креста снабдили сперва с одной, а вскоре и с обеих сторон, горизонтальными кольцами, а затем, в начале XVI в., при-

бавили еще несколько спускающихся по направлению к острию дужек, которыми удар противника останавливался на безопасном для руки расстоянии.

Таким образом, все усилия были направлены на то, чтобы удержать рыцарский меч на высоте его назначения, но далее идти было уже некуда: величина и тяжесть полосы делали ее пригодной только для всадника и то не на очень продолжительное время и, во всяком случае, не для постоянного ношения.

Явилась потребность в белом оружии других, более легких и удобных образцов, соответственно чему к концу XV в. возник ряд новых типов, из них приведем наиболее характерные.

В помощь мечу, уже бессильному против усовершенствованной брони, рыцарь брал в бой пристегнутую к седлу большую шпагу с узким и тяжелым трех- или четырехгранным клинком, тонкое, особенно тщательно закаленное острие которого при сильном напоре могло разьединить доски доспеха и пробить плетение кольчуги. На востоке это оружие было уже ранее известно под названием «кончар» и находилось в употреблении в Польше и в России до конца XVIII в. причем рукоять, конечно, имела совершенно иную, чисто восточную форму.

Много разнообразия в вооружение внесли швейцарские и немецкие полки наемников, имевшие совершенно своеобразную организацию, особую тактику и особое, примененное к новым боевым условиям, оружие. Сюда относятся короткие, носимые за поясом, мечи ландскнехтов с широким обоюдоострым клинком, расширяющиеся к верхнему концу рукоятю и загнутой горизонтально в виде буквы 8 защитой. Значительно большие двуручные мечи тех же ландскнехтских полков служили в XV в. для прокладывания дороги сквозь сплошные ряды пехоты, впоследствии же составляли принадлежность отборной по росту и силе роты, которой вверялась защита полковника и знамени; затем широкие мечи с закрытым решетчатым эфесом конных наемных отрядов, служивших Венецианской республике и, по своему преимущественно славянскому составу, носивших название «schiaвопа». Наконец, с XV в., в особенности в Италии, большое распространение получили так называемые «воловьи языки» (*lingua di bue*), нечто среднее между большим и широким кинжалом и коротким мечом.

К упомянутым типам следует приписать также носившиеся дворянами вне походов «городские мечи» в общем

сходные с формой рыцарских мечей, но более легкие и изящнее отделанные, а также разного рода короткие тесаки с кривой полосой об одном лезвии пеших ратников, горожан и крестьян.

Радикальный переворот, происшедший в течение XVI в. во всем военном деле вследствие появления новой тактической единицы — организованной пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, коснулся самым решительным образом и дальнейшего развития белого оружия. Выше было упомянуто о том, что с XIII в. уже началось постепенное приспособление клинка к уколу, вызванное невозможностью раздробить доспех даже самую тяжелую полосой. Процесс перехода от рубки к уколу продолжался безостановочно и в XVI в. привел к превращению раздробляющего меча в колющую шпагу, а могло это случиться, конечно, только в тот момент, когда стальной пластинчатый доспех вследствие развития ручного огнестрельного оружия сошел со сцены навсегда.

Не имея возможности проследить здесь шаг за шагом постепенное превращение «рыцарского» боевого доспеха в освященный традициями парадный костюм дворянского сословия, ограничимся указанием, что во второй половине XVI в. уже установился тип «ландскнехтского» или «легкого» доспеха и что затем всадники-дворяне, хотя крайне неохотно и медленно, начали по частям слагать с себя старинную броню, не имевшую более практического боевого значения.

Ко времени решительной победы демократического начала пеших полчищ над аристократией — рыцарскими всадниками, относится быстрое распространение выработанного в Италии и в Испании нового типа белого оружия — шпаги. Шпага, вытеснив быстро все разновидности меча, сразу сделалась принадлежностью не одного только привилегированного класса, но и всех без исключения сословий: придворного кавалера и рядового наемника, всадника и пехотинца, мирного горожанина и бретера-авантюриста. Крайней разновидностью задач, которым должно было служить новое оружие, объясняются и бесконечные его разновидности, выражающиеся в устройстве рукояти, длине, весе, форме и отделке клинка. В конце XVI в. железные рукавицы вышли из общего употребления и, следовательно, эфес шпаги должен был обеспечить, прежде всего, всестороннюю защиту руки от удара и укола. Эту задачу каждый изобретательный оружейник решал по своему, вследствие чего получились бесчисленные варианты немно-

гих основных, наиболее простых форм: эфесы делались «открытыми», т.е. оборонительные приспособления сосредотачивались под крестом, вокруг пяты полосы, или «закрытыми», обхватывающими руку со всех сторон, причем плетение из дуг устраивалось и под и над крестом. Совокупности крупных и мелких дуг, перехватов, колец, прорезных и глухих щитков придавались различные формы: чашки, тарелки, корзины, решетки и т.п. Равным образом, и клинки выковывались разных образцов, смотря по их назначению: тяжелые полосы об одном лезвии преимущественно приняты были в конных отрядах, пехота предпочитала многогранные обоюдоострые клинки, широкие упругие рапиры сделались излюбленным оружием знатных кавалеров, узкие шилообразные клинки употреблялись чаще в поединках и т.д. Будучи всесословной шпага стала вместе с тем и междunarодной, сохраняя в общем свою основную испано-итальянскую форму, изменявшуюся разве в частностях уступками национальным вкусам.

Господство шпаги продлилось 300 лет с лишком, но уже с конца XVIII в. она постепенно стала утрачивать характер боевого оружия и все более превращалась в принадлежность придворного костюма, военного и гражданского мундира; в настоящее время шпага доживает свой век в жалкой, изуродованной по позднейшим французским образцам форме.

В XVI в. замена рыцарского вооружения общим, если можно так выразиться, «вольным» оружием привела к собою введение в европейских войсках кривого сабельного клинка, завоевавшего себе, наравне со шпагой, господствующее положение и, по справедливости, даже пережившего шпагу в качестве боевого оружия. Переход от обоюдоострой прямой полосы к кривой об одном лезвии представляет собой, как известно, значительный шаг вперед в деле оружейной техники. Прямое лезвие раскалывает и раздробляет твердые предметы, на мягких же его действие оказывается весьма умеренным; кривое же лезвие не только раскалывает но, вместе с тем, и режет и распарывает, соединяя в себе действия топора и ножа. Несмотря на такие преимущества сабли, издревле известной на Востоке, рыцарство не ввело ее в употребление у себя хотя и познакомилось с кривыми полосами еще до эпохи крестовых походов; причиной тому было с одной стороны, враждебное и пренебрежительное отношение к оружию «неверных», а с дру-

гой — недостаточно сильное раздробляющее действие на броню сравнительно легкой и не очень длинной сабельной полосы. Но если сабли и не привились среди привилегированного класса, то, тем не менее, кривые полосы в том или ином виде мало-помалу приобретали право гражданства и в Европе, хотя в начале больше между плохо вооруженными пешими ратниками, городскими жителями и крестьянами. Так, во Франции искривленные тяжелые полосы встречаются с XIII-XIV вв. под названием «fauchion» (коса) или «badelaire», в Италии подобной же формы большие «ножи» — «cortelas» «coŕtelaccio» в употреблении с начала средних веков, в Германии — с XIV века под тем же названием, но искаженном в «Kordelatsch».

Не вдаваясь в подробности, касательно устройства и видоизменений европейских сабельных клинков, мы не можем не остановиться на мелкой, но чрезвычайно характерной и поучительной особенности, как нельзя лучше рисующей превосходство в оружейной технике восточных мастеров над их западными последователями: мы разумею оборонительное приспособление сабельного крыжа. Восточный крыж изумительной простоты состоит из прямого креста, по обе стороны которого выковано по поперечному шипу (перекрестье), верхние половины коих наглухо приделаны к рукояти, между тем как нижние спущены по направлению к острию, возвышаясь на 2-3 сантиметра над плоскостью полосы; устройство, как видно, весьма несложное, но, вместе с тем, безусловно обеспечивающее защиту руки от скользящих вдоль полосы неприятельских ударов, под каким бы углом они ни приходились. Лезвие противника, смотря по направлению удара к плоскости отбивающей полосы, или останавливалось крестом, или же защемлялось между полосой и одним шипом перекрестья. Эта простейшая система защиты руки еще более развита в эфесах мавританских мечей и польских сабель, называемых «карабела», у которых кроме средних шипов перекрестья, еще и концы креста спущены к полосе, так что между ними и лезвиями образовывались узкие щели, в которых должен был застревать клинок противника.

Западные оружейники не поняли, а если и поняли, то не пожелали применить этой системы; шипы перекрестья, правда, встречались и у них, но на шпажных эфесах они, уменьшенные до размеров маленьких, выпиленных из креста мысиков, плотно прилежали к клинку и, следовательно, для защиты

руки были безразличны, к сабельным же крестам прикреплялись, и то более для украшения, щитки в виде тонких треугольных языков, между тем как защита руки обеспечивалась системою дуг, щитков и перехватов, близко подходившей к образцам шпажных эфесов.

Сабельные полосы как и шпажные клинки бывали весьма различных форм, смотря по кривизне, длине и весу полосы, величине и числу выбранных по ней долов, устройству острия, отлого сведенного на нет или выкованного в широкий обоюдоострый елман и т.п., но эти разновидности более внешнего характера не имели решающего значения для боевой пригодности сабли, зависящей от совокупности многих, на сколько нам известно далеко еще недостаточно выясненных условий. Сила удара является результатом столь многочисленных и сложных по взаимному соотношению данных, как-то: отношения кривой, образуемой линией удара к кривизне полосы, к длине, весу и точке равновесия клинка, к положению оси рукояти и пр., что мнения специалистов до сего времени значительно расходятся в вопросе о том, основана ли форма восточных сабель на тонких, неизвестных нам вычислениях или же на собранных веками эмпирических наблюдениях. Мы, конечно, не беремся судить о том, предшествовала ли установлению образцов сабель и шашек для европейских войск всесторонняя разработка указанной теоретической стороны вопроса, но считаем себя в праве высказать сомнение в том, что при такой разработке в достаточной степени был принят во внимание тот богатейший материал, который хранится в наших музеях в виде замечательнейших экземпляров старинных сабельных клинков, выкованных исконными нашими учителями в оружейном деле — индусами, персами, арабами и турками.

В наши дни сабля является последним представителем белого оружия, состоявшим против всесильного огнестрельного механизма. Но и мы стоим на рубеже...

II. Способы украшения клинков Клейма

Считаем не лишним краткий очерк развития белого оружия дополнить хотя бы сжатым перечнем наиболее употребительных способов украшения клинков, тем более, что хотя бы и поверхностное знакомство с этою стороною дела могло бы нередко предохранить наших собирателей старинного оружия от грубого обмана со стороны продавцов.

В XII в. на широких плоских набал-

дашниках рыцарских мечей появились врезанные в металл имена, изредка и гербы собственников, на клинках же стали помещать более или менее пространственные надписи, состоявшие иногда только из начальных букв, как то: O.S. (O Sancte!!) или S.S. (sacrificium sunctum), в других случаях из целых молитвенных воззваний, изредка из стихов светского содержания; довольно частые случаи когда — особенно в XIII в. — выбивались ряды готических или латинских букв без всякого смысла, естественнее всего объясняются безграмотностью рабочего, копировавшего непонятные для него знаки, но весьма нередко подобные надписи умышленно делались неразборчивыми, дабы придать им таинственный характер заклинания или заговора, недоступного пониманию простого смертного. Такая уловка, рассчитанная на суеверие темного люда, была преимущественно в ходу у мастеров города Пассау на Дунае, заклинания которых (Passauer Waffensegen) считались наиболее действительными.

Как упомянутые буквы и надписи, так и другие украшения, гербы, разводы и клейма, о которых ниже будет сказано подробнее, в течение XII — XV вв. или просто прорезывались в металле, или врезанные линии заполнялись еще другим металлом: медью, серебром или золотом. Рукояти украшались серебром и золотом с чернью, эмалью и резьбою, резные и гравированные узоры на клинках золотились. В особенности замечательно совершенство шлифовки, которою преимущественно славилась миланские оружейники: выбирались удивительные по тонкости и правильности поперечные и продольные долы разных профилей, шлифовались и другие фигуры, кружки, розетки, и т.п., в том числе круглые и плоские углубления, служившие якобы благочестивым воинам вместо четок; такие клинки носили название «Pater-Noster». Наконец, большой известностью пользовались испанские и итальянские клинки с тонкими сквозными прорезями, которым люди с романтическими наклонностями присвоили — без всякого, впрочем, основания, — название «нарезов для яда» (Giftzuge).

В XVI в. возникли новые способы украшения клинков путем вытравливания узоров крепкой водкой, воронения стали синими, фиолетовыми и красными побегами и золочения накладным листовым золотом. Разводы в стиле эпохи возрождения стали появляться все реже и реже, и к концу века преобладали латинские и немецкие изречения и изображения античных героев впере-

Рис. 1

мешку с современными коронарованными особами и полководцами. В XVII в. дают себя чувствовать мусульманские нашествия, венгерское и польское влияние: любимыми сюжетами для украшения клинков стали изображения Богородицы с Младенцем, затем рука, вырастающая из облака и держащая турецкую саблю, турки в чалмах, крест, звезды и полумесяц. К концу XVII и к XVIII в. относятся фигуры всадников и пеших воинов в венгерском костюме с соответствующими надписями: «Vivat Hussar», «Vivat Pandur», двуглавые орлы, «Vivat Maria Theresia» и т.п.

На шпажных клинках этого времени преобладают девизы на французском языке.

Сравнительно недавно стали обращать внимание на особые знаки и клейма, указывающие на происхождение

Рис. 2

оружия из известного города или мастерской, и только за последнее десятилетие, благодаря образцовым исследованиям ныне директора Венского музея В. Бегейма, дело определения этих знаков продвинулось значительно вперед и получило настолько удовлетворительную обработку, что в скором времени можно будет ожидать издания словаря известных оружейников с рисунками употребившихся ими клейм.

Не имея возможности дать хотя бы сколько-нибудь полный перечень наиболее выдающихся мастеров, мы должны ограничиться кратким очерком развития и указанием особенно характерных сторон в деле клеймения белого оружия по главным центрам его производства: Германии, Италии и Испании.

За время средних веков сохранились некоторые имена знаменитых ору-

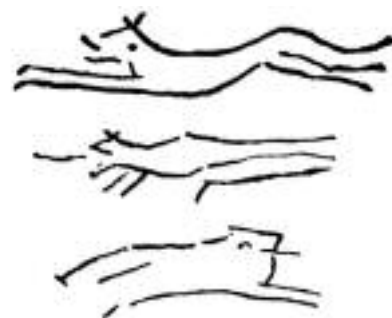

Рис. 3

жейников, но они упоминаются большей частью в народных преданиях или в поэтических произведениях и, как полусказочные, исторического значения не имеют; к тому же, подлинных предметов этого времени дошло до нас немного и в большинстве случаев плохой сохранности; наконец, и современные воззрения на творения рук человеческих не благоприятствовали выдвижению личности мастера: творец отступал перед своим творением на задний план, и только в эпохе возрождения мастер-художник отстоял свои права на личную славу.

III. Германия

Знаменитый «Волчок» и подделка его

Солингенские «Волчки»

С XIII в. на белом оружии начали появляться врезанные в металл знаки, обыкновенно выложенные красной или желтой медью, которые, не имея еще характера лично принадлежащего известному мастеру клейма, его так сказать, фабричной марки, указывали однако на происхождение предмета из определенного центра производства, города или

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 14

даже мастерской: таково, например, клеймо Миланской мастерской, изображающее скорпиона. Наиболее известное из них — и на нем мы остановимся несколько подробнее — знаменитый и высоко ценимый как на западе, так и на востоке «волчек», знак оружейников города Пассау на Дунае (рис. 1) железное производство которого процветало уже в IX в.

В старинной хронике города Пассау сказано, что герцог Альбрехт II в 1349 г. даровал городским мастерам право выбивать на клинках из Пассауского герба (серебряный волк в красном поле) фигуру волка, но, по мнению авторитетных лиц, это известие неточно и «волчки» выбивались уже с XIII в.

Очертания фигуры, имеющей отдаленное сходство с бегущим зверем, глубоко врезывались в металл и заполнялись медью, мелкие же поперечные черточки, изображавшие, по мнению некоторых специалистов, щетинистую шерсть зверя, как нам кажется, служили совершенно иной цели: при плотном вбивании инкрустации в прорези, медь расплющивалась, частицы ее входили в тонкие поперечные щели и таким путем достигалось более цепкое соединение металлов. Кроме «волчка» мастерские, подчиненные Пассаускому епископу, клеймили свои клинки знаком епископского посоха (рис. 2), также выложенного медью.

Произведения Пассауских мастеров вскоре приобрели вполне заслуженную известность и за пределами Германии, но если главной причиной их быстрого распространения были доброкачественный материал и унаследованное от отцов и дедов искусство мастеров, то немалой долей своей славы Пассауские клинки обязаны грубому суеверию ратных людей. Оружейники сумели окружить себя таинственностью, слыли опытными заклинателями оружия, обладающими сверхъестественными способностями и состоящими в тесной связи с нечистой силой; понятно, что и произведениям их рук народная молва приписывала такие же сверхъестественные качества: пассауский меч бил безусловно насмерть, обладателя же чудодейственного клинка не брало никакое оружие. Таким образом слава этих мечей, основанная на действительно выдающихся их боевых качествах и поддерживаемая суеверным страхом современников, до того усилила спрос на «волчки», что полосы с другими клеймами, хотя бы и не уступающие качеством, вовсе не находили сбыта. Появились подражания и подделки, но

Рис. 11

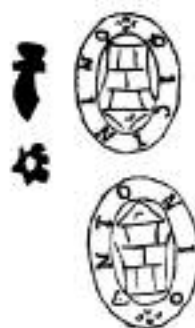

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

опасным соперником пассауской монополии мог сделаться только такой центр оружейного мастерства, который стоял на равной высоте, как по качеству, так и по количеству производства.

Таким конкурентом явился город Солинген, славившийся выделкой клинков уже с XII в. Начиная с XV в., в особенности же в XVI и XVII вв., солингенцы выступили со своим «волчком», постепенно получившим еще большее распространение, чем пассауский оригинал, в особенности на востоке, и вытеснившим наконец окончательно клинки старого образца.

Сделанное при этом заимствование чужого фабричного знака едва ли

можно назвать подделкой в обычном смысле этого слова, поскольку нельзя здесь усмотреть намерения обмануть покупателя тождественностью клейма. Даже непривычному человеку с первого взгляда должно было броситься в глаза различие в рисунке волка (рис. 3) и отсутствие медной инкрустации, тем более, что солингенские мастера весьма часто к изображению зверя прибавляли свои личные клейма, или даже надпись «In Solingen». Не гоняясь вовсе за нынешней тождественностью своих произведений с клинками пассауских мастерских, они обеспечили за собой возможно широкий сбыт товара путем применения его к требованиям спроса

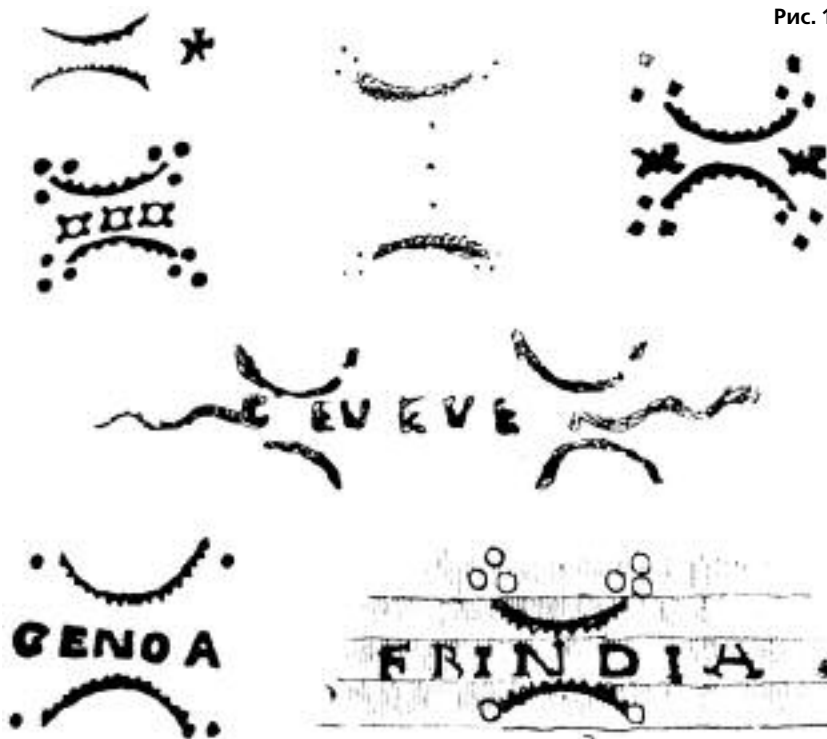

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

Рис. 25

Рис. 26

и, действительно, не ошиблись в расчете на неразвитую массу, приобретающую клинки непременно с изображением какого-то бегущего зверя. Мы видим повторение того же явления во второй половине XVII в., когда спрос на «волчки» сменился общей погоней за клинками известнейших в то время испанских мастеров; на этот раз подражания гораздо более носили характер настоящей подделки, воспроизводившей пробное клеймо города Толедо, знаки и имена копируемых мастеров, но и здесь солингенцы нередко рядом с испанскими выставляли клейма своих собственных фирм.

Из приведенных данных, впрочем, отнюдь не следует выводить заключения, что оружейники города Золинген занимались исключительно подражанием наиболее ходким чужим образцам; напротив, именно в Золингене уже с XVI в. мы находим большое число вполне самостоятельных мастерских, отмечающих свои изделия клеймами совершенно оригинального рисунка, именем мастера и девизами или изречениями, являющимися, по крайней мере, вначале, такой же исключительной принадлежностью известной фирмы, как и клеймо.

Наиболее употребительные в Золингене надписи такого рода: Soli Dea Gloria, Fide Sed cui vide, Inter arma silent leges, Nec temere nec timide, Vincere aut moris. Впоследствии, т.е. уже с конца XVII в., эти девизы употреблялись без разбора всеми или, по крайней мере, очень многими местными фирмами и вырезались на клинках не по одной, а по две, по три и более за раз. В наложении клейм солингенцы также не скупились, выбивая их обыкновенно по несколько раз, и вдобавок, кроме клейма, за ред-

кими исключениями помещали на своих изделиях еще имя и фамилию мастера с прибавлением слов «me fecit Solingen». Таким образом произведения солингенских оружейников довольно легко распознаются по обилию выставляемых знаков и точное определение иногда затрудняется лишь тем обстоятельством, что с конца XVII в. учащаются случаи продажи одной фирмой своего клейма другой мастерской, перепродажи того же фабричного знака в третьи руки и т.д.

Кроме мастерских в городах Пассау и Золинген, в Германии и Австрии процветали еще многие центры оружейного производства в Штигии, Богемии, Тюрингии, Тироли и других местах, но мы должны ограничиться приведенными здесь данными; добавим лишь для примера рисунки нескольких характерных клейм наиболее известных солингенских мастеров: Peter Munsten, работавший в Золингене, Лондоне, а может быть и в Испании в конце XVI в. (рис. 4); Weilm Klein — XVI в. (рис. 5); Clemens Horn, между 1580 и 1630 г. г., часто помещает на клинках латинские изречения «Fed side cui vide», «Inter arma silent leges» и др. (рис. 6); Johanes Windels, 1560-1620, на клинках почти всегда латинские девизы и поговорки (рис. 7); Hans Moum, 1600-1625; (рис. 8); Meves Berns, нач. XVII в. (рис. 9); Wilhelm Weyersberg Wirsberg 1570-1630 (рис. 10).

IV. Итальянские мастера «Гурда»

Итальянские мастера, в противоположность солингенским и вообще немецким мастерам, сравнительно редко клеймили свои клинки и если клеймили, то употребляли обыкновен-

но маленькие значки несложной формы (рис. 11), относившиеся, сколько известно, к мастерским городов Генуи, Брешии, Милана и Беллуно и не составлявшие личную собственность определенных мастеров. Исключение составляют лишь клейма некоторых миланских оружейников как например, семьи Пичинино: Antonio Picinino 1509-1589, (рис. 12) сын его Federigo, работавший до начала XVII в., (рис. 13) и брат последнего Lucio 1550-1570, Pietro Caino Милан, в конце XVI в. (рис. 14), Scucchus, помечавший свои изделия, Desanpri Scacchi, работавшего, вероятно, в Брешии (Брешии) (рис. 15).

Остановимся несколько подробнее на одном клейме, происхождение которого в точности еще невыяснено, но, несомненно, итальянском, получившем на востоке, в особенности же на Кавказе, громкую известность под названием «гурда». Считаю долгом оговориться — мы не имели случая ознакомиться с разновидностями подлинной кавказской гурды, но люди, близко знакомые с кавказским оружием, утверждают, что изображаемые здесь знаки (рис. 16) тождественны с «гурдою», т.е. с клеймом мифического восточного оружейника, про которого предание гласит, что он, озлобленный против хвалившегося превосходством своей работы конкурента с восклицанием «гурда» (т.е. «смотри») перерубил пополам соперника вместе с его клинком.

Это клеймо, встречающееся чаще всего на сабельных полосах, украшенных у пяты рядом продольных мелких долов, состоит из двух изогнутых в виде серпа или полумесяца линий с тонкими зубцами по наружному или внутреннему краю; по концам линий расставлено обыкновенно по 1-3 точечек, между линиями иногда выбиты или мелкие значки или слова: Genova, Genua, Geneve, или же, наконец, несколько загадочное слово Fringia с вариантами Frindia, Frinia, Frangia, Francia. Господствовавшее до сих пор мнение, что Fringia есть ни что иное как сопоставление начальных букв титула германского императора Фердинанда III — F(erdinandus) R(ex) I(N G(ermania) I(mperator) A(ugustus)) теперь опровергнуто и в настоящее время остановились на объяснении слова fringia из турецкого ferengi или frengi, означающего «франкский», такое предположение подтверждается фактом, что клинки с рассматриваемым знаком в большом количестве вывозились на восток. Эти сабельные полосы со второй половины XVI в. вы-

Рис. 27

Рис. 28

делывались в северной Италии, вероятно в генуэзских мастерских, впоследствии же, в XVII в. целыми массами подделывались штирийскими оружейниками и оттуда также усиленно вывозились в турецкие владения.

V. Испания

Испания издревле славилась производством холодного оружия, и долгое господство мавров в стране довело оружейную технику до высокой степени совершенства; в XVI и XVII в.в. мастерские в городах Toledo, Bilbao, Sahangum, Albacete, Almeria, Sevilla занимали господствующее положение на европейском рынке и спрос на испанские шпажные клинки принял такое же исключительно-одностороннее направление как, в свое время, спрос на пассауские волчки. Остановимся несколько на изделиях Толедских мастеров, клейма и надписи которых требуют кое-каких объяснений.

Прежде всего следует отметить, что все клинки, исходившие из мастерских этих городов, носили особое клеймо (рис. 17), накладываемое присяжными мастерами-смотрителями (в Германии они носили название BeschauMeister), которые избирались ремесленными цехами для постоянного надзора за исправной, по всем правилам искусства, работой и свидетельствования годности поступающих в продажу предметов. Подобных знаков, назовем их, для краткости, «пробными» (в Германии Beschau, Beschauzeichen) мы встречаем особенно много в XV и XVI в.в., особенно в Германии, и хотя они выбивались чаще на оборотной стороне, чем на белом оружии, мы тем не менее полагаем, что некоторое знакомство с наиболее употребительными из них будет не без интереса для наших любителей и собирателей оружия; приводим для примера пробные клейма городов: Бильбао в Испании (рис. 18), Арагонских мастерских (рис. 19), Венецианской республики (рис. 20), Милана (рис. 21), Аугсбурга (рис. 22), Вены (рис. 23), Нюрнберга (рис. 24), Ландсгута в Баварии (рис. 25), Зуль в Тюрингии (рис. 26).

Кроме городского пробного знака, на клинках лучших мастеров часто еще выбивалось клеймо с изображением лилии (рис. 27), обозначающее, что оружейник был удостоен звания «espadero del rey», т.е. придворного поставщика; третье клеймо, наконец, состоящее обыкновенно из щитка с буквою под короной, принадлежало уже лично мастеру. Относительно этих последних клейм необходимо сказать, что принадлеж-

Рис. 29

Рис. 30

Рис. 31

Рис. 32

ность их определенным оружейникам далеко еще твердо не установлена и что вопрос об окончательном отнесении того или иного знака известному мастеру еще более затрудняется и запутывается массой подделок, которым подвергались испанские клинки не только со стороны солинггенских заводов, но и мастеровских других стран.

Все упомянутые клейма выбивались испанскими мастерами по преимуществу на той части полосы, которая покрывается дужками эфеса, между рукоятью и началом лезвий, что, между прочим, не всегда соблюдалось фальсификаторами (рис. 28).

Кроме клейм, почти все испанские оружейники вырезывали свои имена в коротких узких долах шпаг и для этих надписей употребляли совершенно своеобразные полуготические, вычурные буквы, довольно неразборчивые для непривычного глаза; укажем для образца на форму букв E и D в надписи En Toledo (рис. 29).

Наиболее известные мастера города Толедо следующие:

1) Ivan Martinez старший, жил около середины, младший в конце XVI в., кроме клейм и имени вырезывали девиз: In te Domine speravi non confundar (рис. 30);

2) Семья Sahagun, именовавшаяся по маленькому городку Sahagun в провинции Леон, Alonzo de Sahagun старший, около 1570 г. (рис. 31), Luis de Sahagun, его сын (рис. 32);

3) Hortino de Aquirre, кон. XVI и нач. XVII в. имел звание espadero del rey, вы-

бивал клеймо (рис. 33) и лилию, как и сын его Domingo, внук его Nicolas отмечал свои клинки знаком (рис. 34).

4) Sebastian Hermandes старший, окло 1570 г. (рис. 35);

5) Pedro Hermandes, жил в первой половине XVII в. (рис. 36);

6) Pedro de Velmonte, нач. XVII в. (рис. 37);

7) Thomas de Ayala, работавший приблизительно между 1570-1620 г.г.; клинки (рис. 38) его носили и другие клейма и весьма часто подделывались;

8) Francisco Ruiz, 1560-1620 г.г. работал первоначально в Германии (рис. 39), брат его Antonia Ruiz выбивал почти тоже клеймо — букву A под короной, так что работы братьев различают не столько по знакам, сколько по форме клинков, которая в произведениях Francisco Ruiz ясно показывает влияние солинггенской школы.

В заключение считаем долгом указать на некоторые капитальные сочинения, послужившие источниками при составлении настоящего очерка; из них же заимствованы по большей части помещаемые здесь рисунки.

W. Bocheim Handbuch der Waffenkunde. Leipzig 1890.

Ero же Meister der Waffens-chmiedekunst. Berlin, 1897. M. Jahnus. Entwicklungsgeschichte der alten Trutzwaffen. Berlin 1899.

J. Szendree. Ungarische krieges-chichtliche Denkmaler in der Millennium-sausstellung. Budapest, 1896.

Zeitschrift fik historische Waffenkunde (отдельные статьи).

Рис. 33

Рис. 34

Рис. 35

Рис. 36

Рис. 37

Рис. 38

Рис. 39

КОЛОТЬ ИЛИ РУБИТЬ?

ПРИМЕНЕНИЕ КИНЖАЛА У НАРОДОВ КAVKAZA В XIX ВЕКЕ

Денис ШЕРЕМЕТЬЕВ,
ведущий научный сотрудник
высшей категории,
хранитель Оружейной кладовой
Российского этнографического музея

Журнал «Историческое оружиеведение» №1, 2015 год.
Издатель «Общество исторического оружиеведения», Россия

Прагматика

Кавказский кинжал представляет собой оружие с прямым обоюдоострым клинком длиной в среднем 30-50 см. Такой размер клинка позволяет не только колоть кинжалом, но и наносить рубящие удары. Подобный тип кинжала в ближневосточном регионе использовали издревле. Судя по изображениям II-I тысячелетий до н.э. из Месопотамии, Сирии, Палестины и Египта, в схватке кинжал использовали в основном для нанесения колющего удара в живот, солнечное сплетение или горло. Атака, как правило, сопровождалась захватом левой рукой — за волосы или за руку противника. По окончании схватки воины кинжалом добивали поверженного противника, затем отрубали или отрезали голову либо руку убитого врага. Складывается впечатление, что эта схема применения кинжала непосредственно связана с параметрами самого оружия и потому следовало бы ожидать встретить её там, где применялись кинжалы сходных размеров. Можно попытаться проследить подобный алгоритм действий на кавказских материалах XIX века.

Эффективность колющего удара в торс

После боя возле укрепления Герзель-аул 15 июля 1825 г. (здесь и далее даты по ст. ст.), в ходе которого войска под предводительством генерал-лейтенанта Лисаневича и генерал-майора Грекова сняли осаду с укрепления, выяснилось, что в нападении участвовали жители кумыкского аула Аксай, незадолго до того изъявившие покорность. 16 июля по приказанию Лисаневича в укрепление были приведены 318 человек лучших жителей Аксая. Все они были обезоружены, лишь некоторым было разрешено оставить кинжалы. Зная хорошо татарский язык, Лисаневич в оскорбительных выражениях упрекал собравшихся в измене, грозил одних повесить, а других наказать розгами. Затем генерал-лейтенант лично стал вызывать по именам наиболее провинившихся. Третий из вызванных, мулла Учар-Ходжа, выходя из толпы отказался, а при угрозе физического насилия бросился на офицеров с кинжалом в руках, генерал-майора Грекова убил на месте, а Лисаневичу нанёс смертельные ранения, в результате которых последний скончался через несколько дней. Случай этот стал широко известен, поскольку в его результате на кавказской линии не осталось ни одного генерала. Согласно описаниям [Дубровин, 1888: 536-537;

В статье описаны некоторые аспекты применения кинжала на Кавказе в XIX в., подробно рассмотрены технические возможности рубящего и колющего ударов кинжалом (в основе настоящей статьи лежат тезисы доклада, прочитанного в 2005 г., в исходный текст внесены существенные дополнения и уточнения).

В качестве модели, наглядно демонстрирующей культурные смыслы рубящего удара, предложена ситуация поединка изначально равных друг другу воинов.

Сделан вывод о том, что рубящий удар кинжалом выражает происхождение воинского духа и право

Потто, 1885: 166-167], оба генерала погибли от колющих ударов в торс.

Горцы вполне осознавали опасность ударов в корпус тела. Хевсурсы самыми опасными ранениями считали раны в область груди, от шеи до пояса. В ссорах между представителями разных родственных групп, заканчивавшихся вооружённым поединком («чра-чрилоба»), противники должны были проявлять выдержку и хладнокровие, остерегаясь нанести смертельное ранение и тем самым вызвать кровную месть. В таких случаях избегали наносить удары в грудь, живот, а также плечи и «суставы ног ниже колена» [Элашвили, 1956: 27]. Вполне естественно предположить, что при желании убить противника вооружённый кинжалом воин постарался бы нанести удар именно в торс, причём удар, скорее всего, был бы именно колющим, поскольку рубящим ударом сложнее повредить внутренние органы и такой удар считался менее опасным. Так, согласно обычаям чеченцев, за рубленую рану кинжалом платили 5 коров, а за колотую — 10, как за ранение из огнестрельного оружия [Зиссерман, 18796: 439].

Необходимость ограничения подвижности противника

В 1835 г. на коменданта Воскресенского укрепления, расположенного на Кубанской линии, капитана Левашова, было совершено покушение. На народном собрании в одном из черкесских селений пожилого хаджи из княжеской фамилии Хамурзиных упрекнули в том, что он более не способен участвовать в военных набегах. Оскорблённый старик, вооружённый одним кинжалом, немедленно поспекал к ближайшему русскому укреплению и заявил, что желает переговорить с комендантом. Левашов вышел за ворота, не взяв с собою оружия, поскольку посчитал приехавшего присланным с линии лазутчиком. Неожиданно хаджи напал на капитана с обнажённым

на осуществление власти.

В качестве культурного контекста наилучшим образом проявляющего культурные смыслы, связанные с колющим ударом, предложена ситуация борьбы со зверем, равенство с которым для воина невозможно.

На конкретных примерах рассмотрены возможности и риски колющего удара в отношении сильнейшего противника.

Сделан вывод о том, что два выделенных типа противоборства в чём-то различны и даже противопоставлены друг другу, но оба они способствуют реализации героического начала в культуре.

ным кинжалом, «хватая его за руку и приноравливаясь ударить его прямо в грудь», а Левашов был вынужден увертываться от ударов. В конце концов, комендант бросился бежать в поле, старый князь отстал от него и был застрелен солдатами [Торнау, 1864: 452-453].

24 октября 1851 г. в деле у аула Тюмень-Чоглы в Дагестане, один из мюридов бросился с кинжалом в руках на подпоручика Свечина, но «тот успел уклониться в сторону, так что кинжал только слегка задел его руку» [Зиссерман, 18796: 152]. В Герзель-ауле Учар-Ходжа, после нанесения смертельных ранений генералам Лисаневичу и Грекову, попытался ударить кинжалом старшину аула Аксай Мусу-Хасаева, который спасся, «успевши присесть» [Потто, 1885: 166]. Приведённые примеры показывают, что от ударов кинжалом можно было уклониться, поэтому так важно было для нападающего зафиксировать противника на месте с помощью захвата левой рукой.

Добивание и расчленение тел побеждённых противников

8 мая 1850 г. недалеко от аула Белокан были атакованы и убиты около 140 человек грузинских милиционеров и русских солдат под командованием князя Николая Кобулова. Отряд, преследовавший отступающих лезгин, подвергся нападению на идущей вдоль речки узкой тропинке, где можно было идти только по одному. Сами условия местности, обеспечившие ограничение подвижности, благоприятствовали применению кинжалов. На некоторых телах были обнаружены десятки сквозных кинжальных ран, что, несомненно, являлось следствием добивания поверженного противника. Кроме того, лезгины отрезали у всех убитых кисти правых рук, а некоторым отрубили головы [Зиссерман, 1879а: 333, 334].

Головы обычно отрезали известным людям, чтобы предъявить доказатель-

ство их смерти и собственной храбрости. Так, 8 февраля 1806 г. во время церемонии передачи ключей от города Баку люди Хусейн-Кули хана, владельца бакинского, убили из пистолетов и обезглавили кинжалами главнокомандующего в Грузии и на кавказской линии генерала от инфантерии князя П.Д. Цицианова [Броневский, 1889: 508]. В тех случаях, когда личность жертвы была не столь важна, действовали проще. Во время набега лезгин на село Кварели в феврале или начале марта 1845 г. один из нападавших нанёс удар кинжалом в голову переводчику Сукиясову, от чего последний «упал замертво». Лезгин отрубил ему кисть руки и удалился, но, заметив, что по ошибке забрал левую кисть, вернулся и отрубил правую. Подоспевшие солдаты прогнали горцев из села. Интересно, что злополучный Сукиясов, «благодаря молодости и крепкой натуре», выздоровел и позднее занял пост квартального надзирателя в Телаве, где А.Л. Зиссерман видел его «с приделанными к обеим рукам перчатками, туго набитыми шерстью» [Зиссерман, 1879а: 64, 65]. Обычая отрезать кисти правых рук у убитых врагов придерживались также тушины и хевсурсы. По данному поводу Ф.Ф. Торнау не без иронии заметил: «В глазах европейца этот обычай может показаться несколько невеликатым, но на Кавказе, где нам не раз приходилось видеть не только руки, но и отрезанные головы, о нем судили менее взыскательно» [Торнау, 1869а: 440].

Герои́ка

Несмотря на убедительные подтверждения, применение кинжала не исчерпывается вышеизложенной схемой. Постараемся последовательно рассмотреть возможности, оставшиеся как бы за пределами описанной модели.

Рубящие удары.

Известный хирург Н. И. Пирогов практиковал при осаде и взятии дагестанского аула Салты в 1847 г. Согласно его сведениям, кинжалами «действуют так же, как и шашками, с размаху», при этом кинжалы наносят раны более глубокие, хотя и не столь обширные. Например, рекруту Зозуле были нанесены 5 рубленых ран кинжалом. Две раны на голове проникали сквозь теменную кость, не повредив твёрдой мозговой оболочки. Рана на спине, в 12 поперечных пальцев длиной и шириной в ладонь, проникла сквозь все мышцы между 11 и 12-м ребром до самой брюшины. Другая рана длиной в 3 дюйма проходила под мышкой в промежутке между 7 и 8-м ребром, при этом рёбра были надрублены [Пирогов, 1849: 5, 9, 127]. Александр Дюма-отец, побывавший на Кавказе в конце 1858 — начале 1859 г., так передаёт впечатление от увиденных им возле селения Гели убитых лезгин: «Пуля проходит насквозь или остаётся в теле, образуя рану, в которую можно просунуть только мизинец — она посинеет вокруг и только. Но кинжальные раны — это настоящая бойня: у некоторых были раскрыты че-

репа, руки почти отделены от туловища, груди поражены так глубоко, что даже виднелись сердца» [Дюма, 1988: 90].

Ясно, что для достижения такого результата помимо собственно кинжала нужен ещё и поставленный удар. Существуют некоторые данные о способах демонстрации и проверки соответствующих навыков. В 1841 г. Хан-Гирей публикует повесть, написанную на черкесском материале, в которой четырёхлетний сын убитого героя, предвкушая месть, рубит кинжалом дыни и арбузы [Хан-Гирей, 1989: 147]. О том, что подобная практика не просто художественный образ, свидетельствуют этнографические данные 1880-х гг., относящиеся к горским евреям. В качестве развлечения мужчины, собиравшиеся на площади аула, на спор рубили кинжалом арбузы, поставленные в ряд [Анисимов, 1888: 72]. Очевидно, что подобные мишени имитируют человеческую голову, которая представляет собой трудную цель. Случаи с переводчиком Сукиясовым и рекрутом Зозулей ясно показывают, что разрубить голову сложно. Тем ценнее косвенные данные о правильно выполненном ударе. А.А. Бестужев-Марлинский в повести «Аммулат-бек», написанной в 1830-31 гг., приводит точную деталь: рубящий удар кинжалом по голове «со всего размаху» был «столь жесток, что кинжал остановился в зубах нижней челюсти» [Бестужев-Марлинский, 1995: 58].

В литературе, впрочем, чаще упоминается не разрубание головы, но её отсечение. А.Л. Зиссерман, вспоминая о своей службе в горной Грузии в 1844-48 гг., замечает, что «отрубание кинжалом с одного взмаха бараньих и коровьих голов» (следует иметь в виду, что горские породы коров имеют сравнительно небольшие размеры) считалось удалством, и это умение, наряду с успехами в скачках, джигитовке, стрельбе в цель, знанием языка, делало положение русского чиновника среди местного населения весьма заметным [Зиссерман, 1879а: 204]. Описывая молодецкую рубку кинжалом, А.А. Бестужев-Марлинский предвидит недоверие читателя и делает следующее примечание: «Очень забавно неверие европейцев к тому, что кинжалом можно отрубить голову; стоит пожить неделю в Азии для убеждения в противном» [Бестужев-Марлинский, 1995: 41]. Тем не менее, и в Западной Европе отсечение головы оружием с относительно коротким клинком не являлось чем-то совершенно неизвестным. По крайней мере, в Англии в XVII в. среди охотников существовал обычай, согласно которому добытого оленя обезглавливали ударом кинжала (в оригинале использовано слово *hanger*, которое может быть переведено на русский как «кинжал» или «кортик»). Этим термином обозначали все разновидности коротких мечей или длинных ножей для охоты и путешествий) [Блэкмор, 2006: 53].

Идеология превосходства рубящего удара

Очевидно, что для нанесения столь

впечатляющих рубящих ударов кинжалом необходимы навык и недюжинная сила. Вот характеристика литературного героя, абхазского абрека: «Он же дьявол! Пулю рукой отводит! Кинжалом разрубает на две части, как топором, свиную тушу!..» [Возба, 1991: 128.] Из приведенной цитаты видно, что умение разрубить кинжалом тушу на части стоит в одном ряду с выходящими за рамки обычного качествами героя — неуязвимостью и способностью внушать страх. Подобный контекст показывает, что расчленяющий удар кинжалом воспринимался как внешнее проявление особого статуса воина, его психологического превосходства.

Современные этнографы и лингвисты фиксируют представления о том, что уважающий себя воин должен именно рубить кинжалом. Так, у вайнахов колоть кинжалом считалось большим позором, неумением воевать и владеть оружием, «самым лёгким способом победить врага». Вайнаха, нанёсшего кому-либо колющий удар, называли «ублюдок, кольнувший кинжалом» [Али-роев, 1990: 277]. У адыгов молодых воинов учили наносить удар кинжалом сверху вниз, а не колоть, поскольку «пырнуть человека кинжалом считалось предосудительным и недостойным воина-рыцаря» [Мафедзев, 1986: 122]. Учёным вторят писатели, знатоки местной жизни. Литературный герой, абхаз, учит мальчиков: «Запомните! Кинжалом нельзя колоть врага. Это ремесло ворюшек. Надо крепко зажать рукоятку, размахнуться и бить сверху, сечь!..» [Гамсахурдиа, 1964: 67]. Судя по приведённым сведениям, колющий удар считался «слишком лёгким» в исполнении, т.е. в схватке воин, согласно культурной норме, не должен был преследовать чисто утилитарных задач по достижению победы самым простым и эффективным способом. Вероятно, вооружённая борьба мыслилась не как совокупность более или менее действенных технических приёмов, но как способ продемонстрировать и утвердить превосходство воинского духа; не как технология, но как психомагия. В наиболее чистом виде такой подход проявляется в индивидуальном поединке, поэтому ответ на вопрос, почему кинжалом «правильнее» рубить, а не колоть, следует искать в представлениях о единоборстве.

Поединок: определение статуса

В общем случае поединок можно рассматривать как способ установления определённой иерархии. В поединке сходятся стороны, претендующие на победу, и в этом смысле равные; в результате поединка равенство нарушается: определяются победитель и побеждённый. Шаткое равновесие через обозначение и разрешение конфликта преобразуется в более устойчивую иерархическую структуру.

В практическом плане, таким образом мог быть решён вопрос о власти, подтверждение чему содержит кабардинское предание «Лашин-победитель»

ница». Действие сказания разворачивается в «стародавние времена», в некоем мифическом прошлом, где, однако, действуют вполне исторические кабардинцы и калмыки. Центральное место в предании занимает борьба пелуанов (от иранского пек-леван — богатырь, боец), при этом калмыки, привозя своих пелуанов, «наезжали с войском», а проигравшая в ходе поединка сторона платила дань. Характерна фраза калмыкских борцов: «Коли в селениях пелуаны повывелись, то нужно сейчас же поставить там наших управителей». Таким образом, проиграв в борцовском поединке равнозначен установлению вассальных отношений в результате военного поражения, а отказ от борьбы означает потерю субъектности. Поскольку в символическом плане поединок пелуанов равен сражению, то для проигравшего дело может окончиться смертью. Например, боровшаяся за кабардинцев, Лашин одному пелуану вырвала руки, другому пальцем «насквозь проткнула брюхо», в результате чего оба, естественно, погибли [Кабардинский фольклор, 1936: 67-69]. Кроме того, с проигравших калмыков кабардинцы сняли всё оружие и снаряжение, отпустив их домой в одних рубашках, т.е. поступили с ними как с мёртвыми [Дубровин, 1871: 219].

В сказании «Бой с Тотрешем» проигравшего не просто убивают, но расчлениают: ему отрезают голову [Кабардинский фольклор, 1936: 26]. Таким образом, согласно культурной модели в поединке решается вопрос о власти (статусе), а смерть есть непосредственное следствие проигрыша, она как бы фиксирует, подтверждает результат поединка.

Эта нормативная модель была реализована в ходе поединка Мстислава и Редеди, который обычно датируют 1022 г. Единоборство, происходившее открыто на глазах воинов обеих сторон, заинтересованных в решении политического спора, являлось ничем иным и воспринималось современниками не иначе, как ритуал передачи власти. Поскольку власть не мыслилась как нечто абстрактное, отвлечённое от носителя власти, её передача осуществлялась в зримой и чувственной форме приобщения победителя к крови побеждённого, его жизненной (физической и духовной) силе. Таким образом, гибель одного из вождей была неотвратима. Победив в единоборстве касожского князя, Мстислав приобрёл власть над всей адыгской общностью, признававшей первого своим сувереном. Не случайно летопись не говорит о сопротивлении адыгов (касогов) Мстиславу после поединка [Гадло, 1994: 88, 89].

Поединок: демонстрация доблести

В 1991 г. на русском языке в переводе с абхазского была опубликована повесть А. Б. Возба «Хаджарат Кяхба», где упоминался поединок на бурке. «Спрашиваешь насчёт бурки, которую бросают? Это очень древний обычай. В наше время — редкость... Два героя встают на брошенную перед ними бурку и решают

спор. Кинжалом, саблей или пулей по выбору. Но, не сходя с бурки! ...Это кончается чаще всего двумя гробами. И очень редко — одним, по счастливой случайности [Возба, 1991: 244]. В 2000 г. вышла работа А.С. Марзея, в которой находим следующие сведения: «Один из известных черкесам способов поединка назывался «Щлаклуэ клапэ» (Щлаклуэ — бурка, клапэ — конец). Дралась кинжалами, встав на края расстеленной на земле бурки, причём колоть было нельзя, можно было только рубить. В случае если один из противников сходил с бурки, другой имел право его заколоть» [Марзей, 2000: 179]. (Данные эти сопровождаются ссылкой на выдержки из книги Н. Ф. Дубровина, помещённые в сборнике «Материалы для истории черкесского народа», изданном в Нальчике в 1991 г. В доступных автору библиотечных собраниях этого издания нет, но сама книга Н. Ф. Дубровина хорошо известна и в ней нет упоминаний о поединке на бурке).

Наконец, в 2013 г. увидела свет статья Б. Х. Бгажнокова, посвящённая, собственно, поединкам в черкесской традиции. Автор сообщает важные подробности: поединок назывался щлаклуэ-зэпыдзэ, буквально «вбрасывание бурки»; не принявший вызов признавался побеждённым, а его соперник мог снять с него всё оружие; в ходе поединка запрещалось наносить колющие удары кинжалом, бороться, бить кулаками и ногами, а также сходить с бурки; если один из соперников сходил с бурки, то другой мог нанести колющий удар. В статье есть ссылки на сведения, полученные от четырёх почтенного возраста информантов из разных сёл Кабардино-Балкарии, причём некоторые информанты видели поединок на бурке собственными глазами. Опираясь на рассказы свидетелей, верхней границей бытования этого поединка следует считать 20-е гг. XX в. [Бгажноков, 2013: 86-87.]

Мы не располагаем достаточным количеством надёжных свидетельств, позволяющих рассмотреть данную форму единоборства как историческое явление, но мы можем рассмотреть приведённые выше сведения как зафиксированный в фольклоре и практике образ героического поединка. Выделим некоторые важные для нашей темы аспекты этого образа, и начнём, естественно, с бурки.

Как показывают специальные исследования, с буркой, непременным атрибутом воина-всадника, народы Кавказа связывали важные культурные смыслы. В частности, бурка символически соотносилась с пространством как таковым, в частности — с выделенным пространством, в том числе — с пространством сакральным [Ботяков, 2004: 191-193]. Соответственно, поединок на бурке представлял собой из ряда вон выходящее событие, подчеркнуто выделенное из обычного пространства и времени. Можно сказать, что обычному пространству, правилам, состоянию, противопоставлялись не просто необычные, а в некотором смысле идеальные пространство, правила, состояние. Пра-

вила поединка на бурке предусматривали ряд ограничений: невозможность разрыва дистанции, маневра, управления противником с помощью захвата. Т.е. участники поединка отказывались от большинства технических действий, позволявших получить преимущество в данной тактической ситуации. Из технических действий остаётся только рубка, причём уклониться от встречного рубящего удара оказывается практически невозможно. Ясно, что рубящий удар кинжалом не предполагает возможность «перетерпеть» противника, однако, для воина выдающихся качеств возможно было пребывание в особом состоянии, в котором полученные раны не имеют значения. Собственно говоря, вся ситуация поединка на бурке сконструирована таким образом, чтобы продемонстрировать возможность пребывания в героическом, яростном состоянии, и элиминировать всё то, что пребыванию в этом состоянии может помешать.

В рамках такого подхода противопоставление рубящего и колющего ударов «прочитывается» совершенно однозначно. Рубящий удар оказывается идеально приспособленным для демонстрации доблести, неустрашимости, пренебрежения ранами, а колющий удар как бы затемняет, мешает реализовать доблесть в полной мере, ввиду своей «излишней» эффективности. Неслучайно Б.Х. Бгажноков замечает, что принятые в рамках поединка на бурке ограничения, не исключая тяжелые ранения и увечья, снижали вероятность смертельного исхода [Бгажноков, 2013: 87]. Для героев важно было не столько убить, сколько превзойти соперника или, по крайней мере, не дать превзойти себя. Соответственно, в отношении того, кто не способен пройти испытание, то вышел за рамки честного поединка, ограничения отменяются: недостойного не надо побеждать, его можно просто убить.

Поединок: утверждение нормы

Дополнительные нюансы в восприятии колющего и рубящего ударов демонстрирует известный эпизод, произошедший с майором Евдокимовым, будущим графом и генералом от инфантерии, а в тот момент койсубулинским приставом, ведению которого были поручены горские общества, расположенные по рекам Аварскому и Казикумыхскому Коису.

6 марта 1842 г. Н.И. Евдокимов занял с небольшим отрядом селение Унцукуль, в котором незадолго до того утвердился гарнизон из 80 мюридов Шамилля. Случилось так, что один из унцукульских мюридов смог подбежать к Николаю Ивановичу со спины и нанести два колющих удара кинжалом — в левый бок и правое плечо. Далее показания источников разнятся. Согласно рапорту генерал-лейтенанта Фезе, написанном через день после события, унцукульцы изрубили мюрида на месте, убили его мать и сестру, а также разорили его дом [Акты, 1884: 354]; о действиях самого майора Евдокимова после ранения не упоминается. В статье подполковника Борисевича, помещённой в Военной эн-

циклопедии Сытина, приводятся дополнительные подробности. По версии А.Т. Борисевича, Н.И. Евдокимов после удара кинжалом, «не растерявшись, выхватил шашку, быстро обернулся и разрубил горца наискось, от плеча до середины груди». Происшествие это произвело на горцев сильное впечатление. Для находившегося без сознания Евдокимова издали привезли искусного хакима (врача), благодаря стараниям которого и заботливому уходу койсубулинский пристав уже через два месяца смог отправиться в новую экспедицию [Военная энциклопедия, 1912: 276].

Оставим в стороне вопрос о том, как оно было «на самом деле». Попробуем рассмотреть описанную ситуацию как систему образов, причём допустим, что системность образов носит случайный характер. Очевидно, что действия мюрида прямо противоположны логике героического поединка — он атакует неожиданно, сзади, наносит дважды колющий удар. Основание для подобных действий можно усмотреть в принципиальном неравенстве сторон конфликта. Н. И. Евдокимов возглавлял военный отряд, занявший Унцукуль при поддержке местных жителей, сопротивление мюридов было подавлено, некоторые из них были убиты — сама ситуация исключала какое-либо соревнование в доблести. Мюрид пошёл на верную смерть, попытавшись убить главного врага, демонстрируя тем самым непримиримость и желание нанести максимальный ущерб противнику. В ответ пристав Евдокимов не только показал поистине выдающиеся воинские качества, но и реализовал их в иной, героической, логике действий: он проигнорировал тяжелейшее ранение, развернулся лицом к нападавшему и убил его одним рубящим ударом. Героическая норма поведения, явленная в мир, моментально придаёт любой другой форме поведения, вне зависимости от её обоснованности, негероический и, следовательно, низший статус. Очевидно, что, помимо прочих обстоятельств, уважение к Евдокимову и гнев по отношению к неудачливому убийце со стороны местных жителей объяснялись «нормативными» действиями одного и оказавшимися на этом фоне «недостойным» поведением другого.

Остаётся добавить, что претензия на героический статус, т.е. на превосходство, синонимична заявке на власть. Соответственно, осуществление власти оказывается так или иначе связано с героическими образами. По-видимому, не случайно замечание А. А. Бестужева-Марлинского об Аварском хане, который имел право приказывать своим нукерам изрубить кинжалами любого жителя Хунзаха, и даже любого проезжего [Бестужев-Марлинский, 1995: 24]. Мы видим, как в ситуации утверждения власти и поддержания порядка кинжал мыслится преимущественно рубящим оружием.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что в поединке сталкиваются равные друг другу по статусу оппоненты; в ходе поединка статусы изменяются — определяются победитель и по-

беждённый; реализация доминантного статуса есть проявление власти. Рубящий удар кинжалом выражает идею превосходства воинского духа, утверждая мужское начало в его высших, с точки зрения воинской культуры, проявлениях.

Архаика

Существует сюжет, пройти мимо которого, рассуждая о применении кинжала на Кавказе в XIX в., было бы непросительно. В нашем распоряжении есть два свидетельства, относящиеся к 1830-м гг. Ф.Ф. Торнау, весьма точный наблюдатель, пишет об абреках: «Видя отрезанными все пути к спасению, они убивали своих лошадей, за телами их залегали с винтовкою на присошке и отстреливались, пока было возможно...» [Торнау, 1864: 459]. А.А. Бестужев-Марлинский в художественной форме описывает ту же ситуацию: «Умрем! Умрем! только славно умрем! — закричали все, вонзая кинжалы в ребра коней своих, чтобы они не достались врагам в добычу, и потом, сдвинув из них завал, залегли за него, приготавливаясь встретить на падающих свинцом и булатом» [Бестужев-Марлинский, 1995: 37]. Поскольку на основании столь ограниченной информации трудно делать сколько-нибудь определённые выводы о том, как именно наносили удары кинжалом в подобной ситуации, попробуем посмотреть, как вообще может быть осуществлён забой лошади.

Традиционные способы забоя лошади

Оставляя в стороне те способы умерщвления, которые не требуют применения ножа или кинжала (например, удушение), перечислим вкратце наиболее распространённые в практике коневодов методы забоя.

Широко известный среди кочевников способ умерщвления, характерный, в первую очередь, для забоя овец, состоял в следующем. Животное укладывали на землю брюхом вверх и фиксировали в этом положении; в брюшной части, под грудиной, ножом делали надрез в брюшине; забойщик, просунув руку в надрез, большим пальцем правой руки протыкал диафрагму и, найдя аорту под сердцем у спинного хребта, разрывал её. Вся кровь животного сливалась в грудную полость; нельзя было допустить, чтобы кровь была пролита на землю. Забой осуществляли в одиночку или с помощником. Есть сведения, что таким образом умерщвляли и лошадей во время жертвоприношений [Дашинимаяев, 2005: 197].

Ещё один способ описывают так: животное валили на землю и фиксировали верёвкой; на шкуре в области затылка делали поперечный надрез, после чего перерезали спинной мозг в месте сочленения черепа с позвоночником. Затем животное обескровливали, надрезав яремную вену в основании грудины [Даржа, 2003: 80].

Существовал и более простой метод забоя: на голову лошади надевали мешок, чтобы прикрыть ей глаза, а затем

оглушали её ударом обуха топора по лбу. Когда лошадь падала, острым ножом перерезали горло, чтобы выпустить кровь, которую собирали в деревянное корытце [Дашинимаяев, 2005: 198-199].

Забой в соответствии с нормами ислама в России XIX в. называли «татарским»; на городских конебойнях он осуществлялся следующим образом. Лошадь стреноживали, связав передние ноги и подтягивая к ним заднюю ногу при помощи веревки, просунутой между передними ногами. После падения животное оказывалось лежащим на боку с вытянутыми ногами. Бойник поворачивал голову лошади «горлом на полдень», и, после предварительной молитвы, перерезал шею, практически отделяя голову от туловища [Бахтияров, 1905: 136-137].

Редкий способ забоя лошади зафиксирован у некоторых групп северных алтайцев. Выбранное для жертвоприношения животное помещали в клетку из жердей, в которой лошадь не могла развернуться. Каждый из присутствовавших мужчин наносил колющий удар ножом в грудь лошади, пока та не падала на землю. Кровь собирали в особые сосуды, для того, чтобы использовать в последующих ритуалах [Хильден, 2000: 86; Бельгибаев, 2004: 134].

Все перечисленные способы забоя лошади имеют разное социальное значение, но в данном случае нас интересует то общее, что у них есть. Итак, лошадь забивали, как правило, не в одиночку; животное предварительно обезжизнивали, чаще всего с помощью верёвок; забой мог быть разделён на две последовательные фазы — оглушение и обескровливание; особое значение придавалось манипуляциям с кровью убитого животного. Как мы видим, все главные черты забоя лошади оказываются нереализуемыми в обстановке боя. Жёсткое ограничение по времени не оставляет возможности для последовательного выполнения этапов «мирного» обряда. Складывается впечатление, что фраза А.А. Бестужева-Марлинского «вонзая кинжалы в ребра коней своих» является не только художественной формулой. Для проверки этого предположения обратимся к охотничьей практике.

Териомахия: достойный противник

И. А. Гильденштедт, побывавший в Грузии в 1771 г., приобрёл в селе Садахло (расположенном на юге нынешней Грузии, практически на границе с Арменией) шкуру леопарда, который напал на двух юношей и сильно их покусал. Молодые люди закололи леопарда кинжалами [Гильденштедт, 2002: 103]. Очевидно, что сходить в рукопашную с сильным и опасным хищником крайне рискованно; кинжал в сражении с крупным зверем применяли либо тогда, когда схватка была неожиданной, и другого оружия под рукой просто не было, либо в качестве дополнительного оружия.

Б. А. Карпов, охотившийся в разливах Сыр-Дарьи на рубеже 40-х и 50-х гг. XIX в., упоминает о манере подвешивать

кинжал к правой кисти на темляке при стрельбе тигра — в том случае, если выстрел не останавливал хищника, времени доставать кинжал из ножен не было. Согласно воспоминаниям автора, в одном случае раненого тигра добились выстрелом в упор в переднюю лопатку и одновременным ударом кинжала: «в тот же момент мой кинжал вошел в грудь между ребрами по самую рукоятку». В другом случае во время преследования раненого зверя, тигр стремительно, не дав сделать прицельный выстрел, напал на ближайшего охотника и подмял его под себя. Дело закончилось благополучно исключительно благодаря удаче: «Во время падения тигр перевернулся к ногам Мантыка, который, имея, таким образом, руки свободными, схватил висевший на руке кинжал, запустил его в брюхо тигра, распорол его нараспашку и затем быстро ударил около лопатки» [Верненский гражданин, 1880а: 80-81; Верненский гражданин, 1880в: 87, 89]. Надо отметить, что охота на тигра в густом тростнике относилась к разряду экстремальных, убитые и покалеченные среди охотников не были редкостью, а столь высокую эффективность кинжал продемонстрировал в руках поистине выдающегося охотника, позднее также погибшего в схватке с тигром.

Ещё одним животным, традиционно считавшимся почётной добычей в воинских культурах, был дикий кабан. Б.А. Карпов так описывает последствия агрессивных действий крупного кабана — туша этого кабана без внутренностей весила 191,2 кг: он ранил подвернувшуюся корову, небольшому бычку распорол брюхо, во время облавы атаковал лошадей одного из охотников, «одним взмахом клыков» разрезав ей до кости заднюю ногу выше колена: «нога моталась как подвешенное полено, кровь лилась неудержимо». Всадник упал, лошадь прожила ещё какое-то время, но спасти её не удалось [Верненский гражданин, 1880б: 86, 87, 89]. Ясно, что схватка с таким зверем требуют изрядного мужества и сноровки. А.А. Черкасов, автор известной книги «Записки охотника Восточной Сибири», написанной по опыту охот 50-х — 60-х гг. XIX в., рассказывает о доборе диких свиней из-под собак следующее: тот из зверопромышленников, кто «половчее и посмелее, проворно подбегает сзади, садится верхом на зверя и прикалывает под лопатку ножом». Впрочем, с секачами «эту штуку» проделывают лишь «некоторые смельчаки»: слишком опасно. Секачей Черкасов рекомендует стрелять, оговариваясь, что стрелять в то время, когда собаки держат зверя и не дают ему хода, трудно — легко задеть собаку [Черкасов, 1867: 604]. Б.А. Карпов упоминает два случая применения кинжала на кабаньей охоте. В первом кабана, раненного несколько раз из огнестрельного оружия, удалось повалить на бок, после чего «кинжал по рукоятку вошёл к нему в рёбра, около передней лопатки». Во втором случае опять-таки раненого кабана двое охотников удерживали на боку, один из них

контролировал голову зверя, а второй «запустил кинжал в горло и перерезал его вместе с жилами» [Верненский гражданин, 1880б: 84, 94].

Териомахия: пространство и время

Сравнивая сведения об охоте (здесь и далее под термином «охота» понимается не любая охота, но именно зверо-борчество — тип охоты, наиболее близкий воинским практикам) на опасных зверей с данными по забою домашних животных, можно сказать следующее. Пространство и время териомахии организовано принципиально иначе, чем пространство и время мирного жертвоприношения. Разница эта становится очевидной именно тогда, когда мы как бы «располагаем рядом» два хронотопа. Пространство обряда подлечит оформлению в соответствии с вышеустановленными правилами; пространство охоты для воина есть в некотором смысле область неизвестного, вызов и испытание. Охотник не строит клетку из жердей, куда за недоуздок приведут жертву. Попытки как-то оформить пространство охоты с помощью заранее организованной инфраструктуры очевидным образом затемняют героическое начало в охоте, обесмысливают териомахию (автор полагает, что периодические высказываемые мнения о том, что «настоящей» охотой не может считаться, например, стрельба по зверю с вышки на овсах, имеют некоторое отношение к рассматриваемым сюжетам).

Перемещения участников охоты во время борьбы со зверем ничем не напоминают упорядоченные действия участников ритуального забоя домашних животных. Клубок из псов, насевших на кабана, откуда вылетают «как перестриженные рукавицы», по выражению А.А. Черкасова, собаки, хаотически перемещающиеся по вытоптанной поляне, не может быть регламентирован, но предлагает охотнику возможность самому броситься в этот хаос и стать его полноправным участником.

Время охоты характеризуется особой динамикой. Если время мирного обряда упорядочено, как бы растянуто и разделено на отдельные фазы, то время собственно звероборчества сжато и сконцентрировано. Дискретность и последовательность обрядового действия гарантирует определённый результат, но уплотнённое время битвы ничего не гарантирует — оно лишь деирует возможность. Отсюда чрезвычайно высокие требования к герою, сражающемуся со зверем: он должен уловить возможность, отыскать ту единственную точку пространства-времени, где и когда удар кинжалом разрешит и завершит ситуацию.

Тактическая ситуация териомахии диктует определённые технические действия. Если в забое домашнего скота обездвиживание осуществляется с помощью верёвок и носит в целом статический характер, то на охоте контроль над зверем имеет характер ситуативный и динамический. Ранение ограничивает

зверя, но делает его более опасным; охотник может отвлечь внимание зверя и тем самым дать возможность остальным участникам охоты произвести результативный выстрел, но он сам при этом сильно рискует; собаки могут сдерживать крупного зверя, но не гарантируют безопасности подошедшему охотнику. Динамический контроль над животным может быть описан как пиковая точка, которой предшествует нарастание и за которой следует понижение тенденции. «Моментальный» характер контроля требует краткого действия, в котором как бы совмещаются функции обездвиживания и умерщвления. Этому требованию, судя по приведённым данным, наилучшим образом соответствует колющий удар в область груди, нацеленный в сердце. Соответственно, формульные выражения «вонзить в ребра», «ударить в грудь», «воткнуть под лопатку», «по самую рукоятку» и проч. представляют совершенно неслучайными.

Ещё один момент, заслуживающий упоминания, заключается в том, что колющий удар в грудную клетку имеет повышенную надёжность. Действительно, если вся ситуация сводится в уникальную точку, оказывается как бы «подвешенной на один гвоздь», то этот гвоздь должен быть крепко вбит. Клинок, вогнанный между рёбер по рукоятку, даже если не задевает сердце, с высокой степенью вероятности поражает лёгкие, что резко снижает возможность зверя двигаться. Это та самая надёжность «с запасом», которая в ситуации поединка двух героев может восприниматься как избыточная эффективность, самый простой способ решить дело, не оставляющий места для раскрытия героического этоса.

Териомахия: неравенство позиций

В повести Н.Н. Толстого «Пластун», написанной, по мнению публикатора, в период 1853-58 гг., главный герой произносит следующую фразу: «Ни одного человека я не убил безоружного или врасплох, как зверя, не окликнув его. Я всегда был честный человек!» [Толстой, 1926: 163.] Здесь сформулированы две важные для нашей темы идеи. Во-первых, позиция честного человека предполагает, что нападение на другого человека возможно только при условии, что тот вооружён и готов к противостоянию. Во-вторых, позиция честного человека допускает нападение на зверя врасплох. По сути дела, речь идёт о том, что сражение с человеком мыслится в форме поединка равных сторон, а сражение со зверем мыслится столкновением двух принципиально не равных участников.

Действительно, отказ от преимущества синонимичен утверждению равенства. Но в отношении зверя от преимуществ никто не отказывается. Дело в том, что зверь (а мы говорим о звере, достойном вооружённой борьбы) по определению сильнее человека. Стоит только представить себе двухсоткилограммового секача или тигра, готового к атаке, и вопрос о равенстве моменталь-

но превратится в неуместную абстракцию. Исходя из неравенства сторон в борьбе со зверем не только возможно, но и необходимо задействовать команду охотников, использовать зверей-помощников — собак и лошадей, применить эффективное оружие и, да, напасть неожиданно.

Можно сказать, что мы имеем дело с двумя различными концепциями борьбы или войны: одна из них находит своё точное выражение в териомахии, другая — в единоборстве равных. Интересно, что концепция героического поединка утверждает себя через отрицание «охотничьих» этических норм, что вносит в их отношения оттенок стадильности. В. И. Абаев в специальной статье обратил внимание на то, что в осетинском варианте нартического эпоса есть герои, которые охотно прибегают к «хитрости», а есть герои, которые полагаются только на «силу», при этом, с точки зрения идеологии «силы», хитрость и уловки выглядят недостойно. В целом этот конфликт В.И. Абаев связывает с историческим развитием и с переходом социального доминирования от слоя людей, обеспечивавших религиозно-жреческую жизнь общества, к тем людям, которые отвечали за военное благополучие коллектива [Абаев, 1994: 14, 15, 18]. Обозначив некоторую конфликтность в отношениях двух концепций борьбы, сосредоточимся на культурном статусе колющего удара кинжалом.

Со слабой позиции: пеший против всадника

Ф. Ф. Торнау в своих воспоминаниях об экспедиции в Чечню в 1832 г. приводит следующий эпизод: «Наши конные грузины и татары, посланные вперед отряда, изрубили десятка два пеших молодцов, не успевших уйти с поляны в лес. При этом случае один из них, видя, что ему нет спасения, ухватился за пояс наскочившего на него татарина и ударил его кинжалом в бок с силой, прогнав его сквозь тело широкое лезвие; в то же мгновение сабля татарина опустилась чеченцу на голову, и оба покатылись мертвые на траву» [Торнау, 1869б: 139-140].

В реалиях Кавказа XIX в. всадник имел неоспоримое преимущество перед пешим, в первую очередь в динамике перемещений и массе. Кроме исходной более сильной позиции верховой в данном случае имел ещё и ситуативное преимущество: чеченскому воину «не было спасения». Очевидно, что атаковать всадника с земли кинжалом, в преддверии неизбежной гибели, как минимум, сложно. Тем не менее, невыгодная позиция была реализована с максимально возможным эффектом, и центральное место в этой реализации занял колющий удар.

У М. Ю. Лермонтова в романе «Герой нашего времени», написанном в 1838-40 гг., есть в чём-то схожая сцена: «...старик возвращался из напрасных поисков за дочерью; уздени его отстали, — это было в сумерки, — он ехал задумчиво шагом, как вдруг Казбич, будто кошка,

нырнул из-за куста, прыг сзади его на лошадь, ударом кинжала свалил его наземь, схватил поводья — и был таков...» [Лермонтов, 1970: 600]. Сравнение с фрагментом воспоминаний Ф. Ф. Торнау наводит на мысль, что М. Ю. Лермонтов имел в виду именно колющий удар. Дополнительным аргументом послужит эпизод из повести Н. Н. Толстого: «Он не успел опомниться, как мы окружили его... Нурай заговорил с ним на их языке. Тот обернулся назад. Нурай воспользовался этой минутой и, вынув кинжал, ударил его так сильно в бок, что тот упал с лошади; кинжал остался в ране» [Толстой, 1926: 131]. В данном случае все участники сцены — всадники, но задача «свалить всадника наземь» здесь однозначно решена колющим ударом кинжала.

Со слабой позиции: женщина против мужчины

С точки зрения соотношения колющего и рубящего ударов кинжалом, чрезвычайно показательна история, случившаяся в Тифлисе в 1803 г. По приказу главноуправляющего Грузией и главнокомандующего кавказскими войсками князя Цицианова генерал-майор Лазарев предпринимал меры по депортации семьи покойного царя Грузии Георгия XII в Россию. Вдовствующая царица Мария всячески препятствовала действиям Лазарева, поскольку согласие с ними означало добровольный отказ от независимого статуса. В конце концов, при угрозе физического насилия, Мария была вынуждена прибегнуть к крайним мерам. Угрожая кинжалами, вдовствующая царица и окружавшая её свита заставили отступить русских офицеров. Генерал-майор Лазарев взял инициативу на себя, вошёл в комнату царицы и попытался с ней договориться. «Царица, увидя генерала Лазарева, сказала: «Как вы немилосердно со мной поступаете! Посмотрите, как я больна. Какой у меня жар?» И при этом она подала ему левую свою руку. Но лишь только взял он её за руку, как правой ударила она его в бок кинжалом, повернула кинжал и в то же мгновение выдернула из тела. Говорят, якобы она за несколько дней пред тем брала уроки у одного известного лезгинского разбойника, оставившего свой промысел, как действовать сим оружием» [Тучков, 1908: 203]. Мария зафиксировала положение противника с помощью обмана, а не силы и нанесла колющий удар в корпус. Лазарев умер на месте. Действия в соответствии со «слабой позицией» оказались весьма эффективными.

Для сравнения упомянем, что дочь царицы Марии царевна Тамара, молодая девушка 17 лет, попыталась нанести одному из противников рубящий удар «большим грузинским кинжалом», но промахнулась и рассекла своей материнское плечо до самой кости [Тучков, 1908: 203; Дубровин, 1886: 70]. Мы видим попытку продемонстрировать доблесть как бы «с сильной позиции», что без должной квалификации закономерно привело к негативному результату.

Интерес в этом описании вызывают также слухи об уроках, которые якобы брала царица. Если это сообщение правдиво, то за несколько дней весьма чувствительная и «притом слабого здоровья» женщина должна была научиться эффективно применять кинжал против заведомо более сильного мужчины. Как видно, колющий удар хорошо сочетается с действиями относительно слабого противника и с «нечестными» уловками вроде притворной болезни. Характерно и то, что обучением Марии занимался «известный разбойник», да к тому же лезгин, а не какой-нибудь родственник царицы из грузинских аристократов. Косвенное присутствие в этой истории разбойника-лезгина (даже в том случае, если этот образ породила молва) подчёркивает тот факт, что действия царицы Марии выходят за рамки нормативной модели героического поединка.

Суммируя, можно сказать, что наиболее очевидно колющий удар демонстрирует свои сильные стороны в ситуации противостояния заведомо сильнейшему противнику. В этих условиях колющий удар даёт шанс резко изменить баланс сил, однако ни в коем случае не избавляет от риска. Убийство генералов Лисаневича и Грекова Учар-Ходжой, покушение на капитана Левашова со стороны князя Хамурзина, а также нападение неизвестного мюрида на майора Ермолова, — все эти атаки колющим ударом кинжала произведены со «слабой» позиции. Все нападавшие оплатили свои действия головами. На общем фоне случай вдовствующей царицы Марии выглядит исключением из правил. Очевидно, что атака «со слабой позиции» требует не меньшего мужества, чем героический поединок «на равных».

Колоть и рубить

Исследование, казалось бы, частного вопроса о соотношении колющего и рубящего ударов кинжалом обнажает довольно глубокие культурные слои. Мы имеем возможность увидеть «стратиграфию» представлений о героическом во многом благодаря тому, что кинжал оказывается тесно связанным с ключевыми культурными смыслами.

В схватке кинжал применялся на ближней дистанции, что придавало ему качества «последней линии обороны», превращало его в тонкую грань, которая одновременно отделяла воина от смерти и сближала с ней. Так, черкесские абреки, видя, что спасение невозможно, встречали смерть с кинжалом в руках, «зная, что с этим оружием их нельзя схватить живыми» [Торнау, 1864: 459]. Выход на ближнюю дистанцию предполагает стремительное сближение, которое, по сути дела, превращает в оружие самого воина, всё его тело. Такой атаке соответствует психологическое состояние, в котором не должно быть места страху, ибо страх разрушает целостность действия и делает его неэффективным. Именно кинжал оказывается наиболее подходящим оружием для реализации неустрашимости и готовности

к самопожертвованию.

Разные аспекты применения кинжала актуализируют различные слои представлений о героике. Основной вывод статьи заключается в том, что рубящий удар в большей степени соответствует единоборству равных противников, а колющий — борьбе противников не равных друг другу по силам. Два типа противоборства в чём-то различны и даже противопоставлены друг другу, но в целом можно сказать, что перед нами два способа реализации героического начала в культуре.

Библиография

1. Абаев, 1994 — Абаев В.И. Шаман сильнее воина // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сборник статей памяти Сергея Александровича Токарева / Сост. В. Я. Петрухин. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. С. 11-19.
2. Акты, 1884— Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею / Под ред. председателя комиссии д. с. с. Ад. Берже. Тифлис. Т. IX.
3. Алироев, 1990 — Алироев И. Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга».
4. Анисимов, 1888 — Анисимов И. Ш. Кавказские евреи-горцы. Отдельный оттиск из «Сборника материалов по этнографии», издаваемого при Дашковском этнографическом музее. Москва, Типография Е. Г. Потапова.
5. Аствацатурян, 1995 — Аствацатурян Э. [Г.] Оружие народов Кавказа. М.: Хоббикнига.
6. Бахтияров, 1905 — Бахтияров А. Разные способы убой животных // Вегетарианский вестник. СПб. № 3. Стлб. 129-138.
7. Бгажноков, 2013 — Бгажноков Б. Х. Поединки в традициях феодальной Черкесии // Археология и этнология Северного Кавказа. Выпуск 2. Сборник научных трудов к 75-летию Исмаила Магомедовича Чеченова. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ. С. 86-94.
8. Бельгибаев, 2004 — Бельгибаев Е. А. Обряд жертвоприношения лошади и его место в традиционной культуре северных алтайцев // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов / Отв. ред. К. Н. Тихомиров, Н. А. Томилов. Алматы; Омск: Издательский дом «Наука». С. 133-134.
9. Бестужев-Марлинский, 1995 — Бестужев-Марлинский А. А. Ама-лат-бек. Кавказская быль // Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести / Составление, статья, комментарии Ф. З. Канунова. СПб.: Наука. С. 5-93.
10. Бларамберг, 1999 — Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Перевод с французского, предисловие, комментарии И. М. Назаровой. — Нальчик: Эль-Фа.
11. Блэкмор, 2006 — Блэкмор Говард Л. Охотничье оружие. От Средних веков до двадцатого столетия / Пер. с англ. С. Фёдоровой. М.: ЗАО Центрполиграф.
12. Ботьяков, 2004 — Ботьяков Ю. М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. СПб.: Петербургское Востоковедение.
13. Броневский, 1889 — Броневский С. Б. Записки из моей жизни // Исторический вестник. Т. 38, № 12. С. 500-512.
14. Верненский гражданин, 1880а — Верненский гражданин [Б. А. Карпов]. Мантык — истребитель тигров. Из воспоминаний об охоте на Сыр-Дарье // Природа и Охота. Т. IV. № 10. С. 65-83.
15. Верненский гражданин, 1880б — Верненский гражданин [Б. А. Карпов]. Мантык — истребитель тигров. Из воспоминаний об охоте на Сыр-Дарье // Природа и Охота. Т. IV. № 11. С. 81-96.
16. Верненский гражданин, 1880в — Верненский гражданин [Б. А. Карпов]. Мантык — истребитель тигров. Из воспоминаний об охоте на Сыр-Дарье // Природа и Охота. Т. IV. № 12. Пагинация I, с. 80-102.
17. Возба, 1991 — Возба А. [Б.] Хаджарат Кяхба / Перевод с абхазского Юрия Лакербая. М.: Советский писатель.
18. Военная энциклопедия, 1912 — Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Велличко, В. Ф. Новицкого, А. В. фон Шварца, В. А. Апушкина, Г. К. фон Шульца. Т. IX. СПб.: Товарищество И. Д. Сытина.
19. Гадло, 1994 — Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
20. Гамсахурдиа, 1964 — Гамсахурдиа К. [С.] Похищение луны. Тбилиси: Литература да хеловнеба.
21. Гильденштедт, 2002 — Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. / Пер. с нем. Т. К. Шафрановской; Редакция и ком-мент. Ю. Ю. Карпова. СПб.: Петербургское Востоковедение.
22. Горелик, 1993 — Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература».
23. Даржа, 2003 — Даржа В. [К.] Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников / Отв. редактор к. и. н., проф. Г. Н. Курбатский. Кызыл: ТувиКОПР СО РАН.
24. Дашинимаев, 2005 — Дашинимаев В. Д. Традиционные способы ухода за скотом и забоя животных у бурят // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Шестых Сибирских чтений, Санкт-Петербург, 27-29 октября 2004 г. СПб.: МАЭ РАН. С. 194-199.
25. Дубровин, 1871 — Дубровин Н. [Ф.] История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I, кн. I. СПб.
26. Дубровин, 1886 — Дубровин Н. [Ф.] История войны и владычества русских на Кавказе. Т. IV. СПб.: Типография И. Н. Скороходова.
27. Дубровин, 1888 — Дубровин Н. [Ф.] История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб.: Типография И. Н. Скороходова.
28. Дюма, 1988 — Дюма А. Кавказ / Пер. с фр.; Перевод недостающих частей, вступительная статья, послесловие, примечания, комментарии и подбор иллюстраций М. И. Буянова. Тбилиси: Мерани.
29. Зиссерман, 1879а — Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). Часть I. 1842-1851. СПб.: Типография А. С. Суворина.
30. Зиссерман, 1879б — Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). Часть II. 1851-1856. СПб.: Типография А. С. Суворина.
31. Кабардинский фольклор, 1936 — Кабардинский фольклор / Общая ред. Г. И. Бройдо. Вступительная статья, комментарий и словарь М. Е. Талпа. М.; Л.
32. Лермонтов, 1970 — Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Сочинения в двух томах. Т. П. М.: Художественная литература. С. 580-720.
33. Марзей, 2000 — Марзей А. С. Черкесское наездничество — «Зек'уз». (Из истории военного быта черкесов в XVIII — первой половине XIX века.) М.
34. Мафедзев, 1986 — Мафедзев С. Х. О народных играх адыгов (XIX — начало XX в.). Нальчик: Эльбрус.
35. Пирогов, 1849 — Пирогов Н. [И.] Отчёт о путешествии по Кавказу. СПб.: Типография Эдуарда Праца.
36. Потто, 1885 — Потто В. [А.] Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Ермоловское время. Вып. 1. СПб.: Типография Р. Голике.
37. Толстой, 1926 — Толстой Н. Н. Пластун. (Из воспоминаний пленного) / Публикация и вступительная статья А. [Е.] Грузинского // Красная новь. Литературно-художественный и научно-публицистический журнал. № 7. С. 125-163.
38. Торнау, 1864 — Т. [Торнау Ф. Ф.] Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник. Т. 53. № 10. С. 391-459.
39. Торнау, 1869а — Т. [Торнау Ф. Ф.] Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. Т. 79. № 2. С. 401-443.
40. Торнау, 1869б — Т. [Торнау Ф. Ф.] Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. Т. 80. № 3. С. 102-155.
41. Тучков, 1908 — Тучков С. А. Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1766-1808 / Под редакцией и со вступительной статьёй К. А. Военского. СПб.
42. Хан-Гирей, 1989 — Хан-Гирей. Черкесские предания // Хан-Гирей. Черкесские предания. Избранные произведения / Вступительная статья, составление и общая редакция Р. Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус. С. 52-150.
43. Хильден, 2000 — Хильден К. О шаманизме на Алтае, в частности среди татар-лебединцев // Челканцы в исследованиях и материалах XX века / Отв. ред. Д. А. Функ. М.: Издание ИАЭ РАН. С. 74-113.
44. Черкасов, 1867 — Черкасов А. [А.] Записки охотника Восточной Сибири (1856-1863). СПб.: Издание С. С. Звонарева.
45. Чурсин, 1957 — Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми.
46. Чурсин, 1913 — Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис.
47. Шереметьев, 2006 — Шереметьев Д. А. Колоть или рубить? Способы применения кинжала у народов Кавказа в XIX веке в контексте предстелений о сакральном // Чтения по военной истории: Сборник статей. СПб. С. 181-190.
48. Элашвили, 1956 — Элашвили В. И. Парикаоба (хевсурское фехтование). Тбилиси: Грузмедгиз.

Полыхан АФРИКАНОВ
(Юрий Папков)

НОЖ НА ДОСМОТРЕ

Из антологии советских анекдотов

Бабушка приходит в магазин и спрашивает о наличии голландского сыра...

Продавец ей отвечает, что сыра нет.

— **Доченька, — просит бабушка, — ну, мне хотя бы 300 грамм...**

— **Бабушка, да нет сыра, не завезли...**

— **Доченька, ну, мне хотя бы 100 грамм сыра, давно не пробовала...**

— **Бабушка, да нет у нас сыра, но зато у нас новая форма обслуживания.**

Вот вам путевка в Голландию, купите билеты, езжайте и купите себе там, сколько вам надо голландского сыра...

Даже не верится, что этому анекдоту пятьдесят лет...

жие» таковы.

Разрозненные законодательные акты XI-XIX ст. выявляют общую тенденцию разделения таких предметов по предназначению. О временах, предшествующих принятию Кодекса Наполеона невозможно говорить о наличии сколько-нибудь стройной и последовательной законодательной системы, характеризующей современное континентальное право. В судопроизводстве употребляли разрозненные нормы языческого римского, христианского церковного и местного «обычаевого» права.

Если нож, лук относили к бытовым орудиям или орудиям охоты (пока та не была ограничена), поэтому обращение их оставалось и пока остается свободным, то арбалет, меч сравнительно рано были отнесены к оружию, обращение которого регламентировалось (ограничивалось) законодательными актами. Соответственно, прерогативой светской власти в Средневековье долгое время оставались законы, регламентирующие обращение военного оружия. Церковь (в том числе инквизиция) брала на себя заботу о моральном облике социума. Поэтому, например, указы инквизиции о запрещении ношения «цыганских ножей» (навах) в Испании (как части Священной Римской Империи Габсбургов) имели целью снижение угрозы общественной безопасности. Естественной реакцией пользователей стало упразднение фиксатора в складных ножах ромского производства, предпринятое с тем, чтобы избежать конфликта с правоохранителями. К 1830 г. во Франции появился современный тип складного ножа с подпружиненной фиксацией клинка, разрешенный к ношению повсюду в Европе.

Таким образом, к XVIII-XIX ст. проявилась тенденция выявлять отдельные (маргинальные) общественные группы с тем, чтобы ограничивать их в праве на ношение оружия. Среди оружия также определялись наиболее «общественно опасные» виды с целью ограничения их распространения. К таким видам стали относиться, например, шпаги в трости, позволявшие скрытое ношение и составлявшие угрозу внезапного «преда-

тельского» нападения. Наличие самого природного права обладать оружием сомнению не подвергалось. Обращение оружия в германских государствах оставалось свободным. Практика разоружения подданных вошла в употребление, как следствие чрезвычайных законов, направленных на борьбу с революционным движением, например, в 1848 г.

К моменту окончания Первой мировой войны в Германии обращение, в том числе продажа и ношение ножей, оставалось свободным. Инициаторами новых законов в области оружия стали социалистические правительства, пришедшие к власти на волне революционного движения. Выступая на словах за «вооружение масс», социалисты, эти, по меткому выражению В. И. Ленина «социал-предатели», на деле стремились ограничить доступ физических лиц к оружию. В Германии ограничения в торговле ножевым товаром и ношении ножей были введены законом об оружии 1928 г. Фактически, как и указы Инквизиции, они имели явную дискриминационную («анти-ромскую») направленность.

Последующая редакция закона об оружии от 1939 г., предпринятая уже при национал-социалистском режиме, расширила эти дискриминационные положения на прочие категории лиц «неарийской» национальности, прежде всего, евреев, а также, опосредованно, на сексуальные меньшинства.

После 1945 г. обращение оружия на территории ФРГ регламентировали различные полицейские распоряжения и административные акты. Закон об оружии 1968 г. имел целью их систематизацию, поэтому носил скорее технический характер. Интересно, что он сохранил ставший уже традиционным с 1928 г. запрет на торговлю ножевым товаром на ярмарках и в местах массовых гуляний, которые, таким образом, относились (или являлись таковыми по факту?) к местам повышенной опасности для членов социума. Следы еще более ранних запретов, восходящих к первой половине XVIII ст., как уже отмечалось, обнаруживаются в запрете ношения «шпаг в трости» (нем. Stockdegen).

В отличие от тех счастливиц, которые могут каждый месяц раскатывать по «европам», я в аэропорту бываю крайне редко, поэтому когда провожально-встречальные мероприятия занесли меня в Борисполь, к досмотру на входе, как оказалось, я был совершенно не готов... Не знаю уж, что там увидел на экране на месте моего сувенирного ножа, оказавшегося у меня в сумке по принципу «взял и забыл», специалист по УЗИ-досмотру сумок, но его круглые глаза я запомнил надолго. Ножик-то маленький, практически невесомый нескладной в ординарном чехле, во всех отнoшениях простенький и приобретенный в тот редкий случай, когда отойти, ничего не купив, было не вполне удобно. Причем, по моему глубокому мнению, максимум, на что этот ножик годился, отрезать скотч (упаковочный). Я услышал про вызов полиции и вопрос, лечу ли я куда-то. Против вызова полиции я не возражал, никуда не летел, я провожал. В итоге ножичек я оставил у охраны, прощание с провожаемыми оказалось смазанным, поскольку на охране очень меня просили до окончания смены ножик забрать... Что я и сделал, извинился... Люди на работе и ни в чем не виноваты. Спасибо еще, что не заставили в обычном порядке общаться с соответствующими чинами, а ведь могли и задержать, а там экспертизы, штрафы и прочие дела... И хотя ножик, в принципе, проще было оставить у них, или выкинуть в мусор, предварительно сломав, все же, от всяческой суеты я был избавлен. Спасибо.

Наличие ножа, даже перочинного ножика, в ручной клади при авиаперелете не приветствовалось никогда. Ни в «раньше» времена, ни в теперешние...

Считаю, что такой контроль вполне правомерен и необходим. Хотя для некоторых господ такой эпизод стал бы, скорее, поводом поговорить о преимуществах украинского образа жизни. Да еще с подчеркиванием того, что «только для того, чтобы их осознать, следует быть интеллектуально честным перед самим собой, что людям обычно не свойственно — более высокий, сравнительно с ЕС, стандарт свободы личности в Украине давно и незаметно стал нормой повседневной жизни, настолько обыденной, что мы его просто не замечаем».

Что это может означать в контексте наличия/отсутствия ножа в ручной клади, мы рассмотрим на некоторых примерах.

Общие тенденции развития законодательных норм государств ЕС, касающиеся обращения ножевой продукции и формирования понятия «холодное ору-

Вводились также определенные параметры, согласно которым предмет мог быть отнесен к холодному оружию, что влекло за собой ограничения в его обращении. Основные виды холодного оружия определялись с учетом их наибольшей распространенности. Экзотические для тогдашней Европы предметы, например, метательные звезды-сюрикены, к тому времени еще не попали в сферу внимания полиции и масс-медиа. Обращение холодного оружия ограничивалось как возрастом, с которого его было разрешено приобретать физическим лицам (18 лет), так и порядком ношения. Ношение холодного оружия разрешалось только как части костюма (исторического, театрального, национального).

Закон об оружии, принятый в ФРГ в 1973 г., озаглавлен возрождением в современном демократическом обществе и правовом государстве практики чрезвычайных законодательных актов. Данная практика, как вводящая принцип коллективной ответственности, когда за противоправные деяния группы лиц, или даже одного лица, несут ответственность целые общественные группы, в принципе, осуждается международным правом. Однако нынешние демократические правители, как и их языческие римские предшественники, продолжают приносить *suprema lex* в жертву *salus populus*.

В 1973 г. поводом для ужесточения законодательных норм в области обращения оружия в ФРГ послужила террористическая деятельность RAF. Страх, вызванный неконформизмом («социально неприемлемым поведением») группы революционеров (или террористов?) был так велик, что имел следствием совершенно неадекватные законодательные инициативы, например — запрет обращения спортивного оружия, «внешне напоминающего боевое». Эта позорная практика была отменена только в законе, принятом в 2003 г.

К сожалению, в упомянутом законе были существенно ужесточены правила обращения ножевой продукции. Согласно нормам, действовавшим прежде (параграф 37 закона об оружии 1973 г.), запрещалось обращение «холодного оружия, имитирующего предметы повседневного употребления» — например, нож с рукоятью в форме пряжки поясного ремня, скрытый в нем или нож для бумаг с обоюдоострым клинком, скрытый в шариковой ручке. А также — пружинные или инерционные ножи с клинком, фиксируемым самостоятельно, под действием силы пружины или сил инерции. Впрочем, данный запрет касался только ножей с обоюдоострым или односторонним с фальшлезвием клинком, выступающим из рукояти более чем на

8,5 см и шириной клинка в средней части менее 14% от его длины. Данные параметры были приняты с целью ограничения распространения в ФРГ чрезвычайно популярных в Европе в 1960-1970 гг. пружинных стилетов итальянского производства.

В законе 2003 г. были введены дальнейшие ограничения. Согласно параграфу 40 «Запрещенное оружие», к таковому, кроме перечисленных выше предметов, относятся теперь и «раскладные ножи с раздвоенной поворотной рукоятью (так называемые ножи-бабочки)». По данному описанию легко узнать, ножи, известные у нас как «балисонги».

Применительно к «пружинным» ножам сделано исключение для «ножей с клинками, выдвигаемыми из рукояти сбоку, если:

- длина клинка составляет не более 8,5 см;
- ширина клинка в средней части составляет не менее 20% от длины;
- клинок не имеет обоюдоострой заточки;
- клинок имеет сечение, сужающееся от обуха к лезвию (клиновидное)».

Согласно новому закону запрещено обращение ножей с фронтальным выдвижением клинка (англ. *Out the front* — OTF). Прежде они были разрешены, если параметры клинка отвечали ограничениям по форме, длине и ширине. Таким образом, потребители в ФРГ лишены возможности легально приобрести вполне невинный ножик от Mikov, доступный в Украине.

Жертвой запрета стали и инерционные ножи типа «парашютных», прежде весьма распространенные в Германии, в том числе и для служебного использования, например в бундесвере. Теоретически, параграф 55 говорит об исключении, сделанном в подобном случае для «служебного пользования», однако, как разъяснил Joerg Eickhorn, представитель фирмы Eickhorn, в течение шестидесяти лет, изготавливавшей такие ножи: «Без письменного разрешения федерального министерства внутренних дел (их) дальнейшие поставки невозможны». Ulrich Behrendt, вице-президент германского союза пожарных (DFV) также заявил, что «отныне пожарные будут употреблять только такие спасательные ножи, которые разрешены новым законом. Рекомендовано произвести проверку наличных в пожарных частях ножей с участием полицейских инстанций, ответственных за оборот оружия» (ситуацию, когда «разрешители» станут проверять пожарных, можно отнести к одному из шедевров бюрократического жанра?)

В августе 2003 г. Bundeskriminalamt (главное полицейское управление) сформулировало требования к спаса-

тельным ножам с клинком длиной более 85 мм пружинной или инерционной конструкции (как например RT II от Eickhorn или Rescue Tool от Hubertus), разрешенным к свободному обращению. Они включают в себя следующие критерии:

1. Клинок с прямым обухом без фальшлезвия.
2. Коническое сечение клинка.
3. Отсутствие острия в его классической форме. Клинок в этой части должен быть затуплен и скруглен.
4. В нижней части клинка должен быть расположен крюк-резак.
5. Лезвие должно быть криволинейным и занимать не более 60% длины клинка.
6. Заточка в верхней части лезвия должна быть серрейторной.

Под запрет попали также «ножи с рукоятью, расположенной поперечно к клинку, которые возможно удерживать или применять при сжатом кулаке». В данном случае исключение сделано для «владельцев охотничьего билета и работников меховой или кожевенной промышленности, которым такие ножи необходимы для работы». Также — «при создании культурно и исторически значимого собрания, для научных или исследовательских работ».

По оценке маркетологов на руках у населения Германии имеется только легально приобретенных около 500000 пружинных ножей и около 250000 ножей «балисонг». Формально законопослушные владельцы отныне запрещенных ножей вольны выбирать между следующими вариантами: сдать, уничтожить, отрезать клинок от рукояти или заварить рукоять ножа «балисонга» и в таком виде хранить. Что делать с пружинными ножом, если хочешь их сохранить — не придумали даже сами законодатели.

Торговля подобными изделиями также запрещена. Уже с конца 2002 г. немецкие оптовики, например Stahlwarenhaus Hebsacker, прекратили заказывать запрещенные виды ножей в Италии и Юго-Восточной Азии. Фирма Herbertz вообще удалила их образцы даже из демонстрационного зала. Производители вынуждены изменять оснастку, чтобы отныне производить только «разрешенные» ножи. Шансы продать оставшиеся на складах ножи за границы ЕС специалисты оценивали не очень высоко. После 2003 г. только малая часть подобных изделий была реализована немецкими оптовиками в странах Восточной Европы, в том числе в Украине. К сожалению, на ценах нашей розничной торговли такая распродажа не сказалась (один из традиционных феноменов отечественного рынка).

Казалось бы, немецкая ножевая отрасль и рядовые пользователи достаточно потрясены. Как и в случае с ограничением обращения газового оружия (введения в Германии так называемого малого разрешения на его ношение), объемы продаж ножей в переходной период введения нового закона, до выяснения правовой ситуации, заметно сократились. Но ретивым законодателям уже сделанного показалось мало. И 9 октября 2007 г. в федеральный парламент был внесен и зарегистрирован (701/07) законопроект, имеющий целью «запретить ношение опасного рубящего и колющего оружия, а также ножей». Базой послужил уже принятый местным собранием федеральной земли Берлин соответствующий акт.

Благо в Германии после федеральной реформы 2006 г. образовались правовые поля местного «второзакония». Хотя принятие законодательных актов в области обращения оружия принадлежит федеральному собранию, местные собрания могут инициировать «вне-

сение в него изменений». На практике, они могут принимать любые местные (земельные) законы, даже ограничивающие действие законов федеральных, поскольку вправе ограничивать ношение оружия в общественных местах, представляющих повышенную опасность для социума (то есть там, где возрастает угроза нападения с оружием, например на Ripperbahn в Гамбурге или в берлинских парках). Если закон об оружии не запрещает, скажем, ношение пружинных ножей с клинком длиной не более 8,5 см во всей Германии, это еще не означает, что их ношение нельзя запретить в Берлине или Гамбурге.

Как всегда, цели у законодателей самые благие. На этот раз «борьба с юношеской преступностью». За «политически корректной» формулировкой «определенные группы лиц» скрываются: несовершеннолетние из эмигрантских семей, дети выходцев из стран Балканского полуострова, Восточной Европы, Африки, Ближнего и Среднего Востока. Пуская в ход нож на улицах гер-

манских больших городов, они практически ничем не рискуют...

Для понимания ситуации читателям следует объяснить, что электоральную опору любой законно избранной демократической власти не только в Украине, но и повсюду в Европе, составляют именно получатели социальных пособий. Если в Украине доля социальных выплат из бюджета составляет всего 30%, то в Швеции — 80%! Со времен Древней Греции и Рима испортить отношения с электоратом не может позволить себе ни один политик. Соответственно, работающее меньшинство населения облагается все новыми налогами. Проведение такой социальной политики возможно потому, что в большинстве государств ЕС экономика относится именно к социалистическому типу, яркими примерами чего являются, например, Франция или Швеция. Следствием господства такого законодательства является рост преступности. «Массы уже эмансипировались от закона собственности, господствующего при капитализме. Они воруют!» (Ульрика Мейнхоф)

Преодоление финансовых рисков, как последствий преступных посягательств, возложено на систему страхования. Победителем в вековой борьбе собственника с грабителем стал страхователь. Расследование страховых случаев требует как можно большей ясности ситуации, определенности поведения «потерпевшего», чтобы предотвратить возможность встречных исков. В современной Европе имеется немало примеров, когда грабитель подавал иск на жертву, которая осмеливалась сопротивляться, и выигрывал гражданский иск на возмещение убытков, как последствий телесных повреждений, одновременно проигрывая уголовный процесс по тому же случаю ограбления.

Дополнительную проблему составляет «мульти культурность» современного европейского общества. В таком обществе адвокаты ответчика непременно будут апеллировать к суду с тем, что данное преступное деяние, например, стрельба в воздух из автомата на берлинских улицах, составляет часть местных обычаев (балканских народов). Якобы ответчик таким образом отмечал победу любимой футбольной команды... Нежелание провоцировать массовые беспорядки на почве межэтнических конфликтов имеет следствием и очевидную бездеятельность полиции. Так, если, объявленное в розыск, как похищенное, транспортное

Да... Увидев «таку морду лица», сразу запишешься на любые курсы...

Есть такая народная мудрость: «Ничто так не способствует низкому уровню преступности, как осознание неотвратимости наказания»...

средство находится во временном пользовании у, скажем, араба во Франции, полиция его намеренно не изымает. Стоит того «тормознуть», как поднимутся все северные предместья Парижа, ибо откуда там взяться неворованным скутерам... По иронии судьбы, в современной Европе с ее политикой гендерного равенства, только женщины еще остаются единственной социальной группой, представителям которой, на практике позволено и предоставлено (в силу роста уличной преступности) обороняться самостоятельно. В основном — от тех же носителей мультикультуры, которые в силу местных традиций считают оскорблением отказ своим домогательствам со стороны женщины, которая эти домогательства провоцирует своим поведением. Вместо того чтобы не провоцировать новых сограждан, европейские женщины продолжают настаивать на своих правах, после чего курсы самообороны становятся уже жизненной необходимостью...

Поскольку навести какой-то другой (новый) порядок в таком обществе «кривых зеркал» уже невозможно, законодатели в Европе, в частности в Германии, предпочитают отыгрываться на безответных «носимых предметах, обычно употребляемых с тем, чтобы преодолеть или снизить способность человека нападать или обороняться». Как понимают специалисты, подобное определение «холодного оружия», предлагаемое ныне в Германии, позволит подвести «под статью» практически любой предмет, оказавшийся в руках. Причем определение касается как «предметов к тому предназначенных», так и «пригодных по своим свойствам, пригодности к пользованию или способу воздействия» эту самую «способность человека нападать или обороняться снизить или преодолеть».

Как видим, в отличие от отечественной методики, в предлагаемом законопроекте понятие «предназначение» уже подразумевает в себе наличие «пригодности» к нанесению телесных повреждений. А понятие «пригодности» выписано столь широко, что позволяет относить любые «носимые предметы» к «оружию».

Дальше — больше: целью подобных местных и федеральных законопроектов является недопущение ношения (такого) «оружия» «везде, где люди встречаются на открытом пространстве» — в местах общего пользования. Скоро берлинские парки будут украшены предупредительными знаками: «ношение оружия запрещено». Как это повлияет на уличную преступность, можно легко предсказать уже сейчас: никак. Без массовых обысков прохожих по Rippersbahn в Гамбурге и установки на всех входах и выходах на улицу рамок металлоискателей проконтролировать ношение ножей в «запретной зоне» будет невозможно. Но ведь раньше таких рамок не было и в аэропортах, и в государственных учреждениях... Что мешает начать устанавливать их на улицах? Деньги в бюджете ЕС найдутся.

Легко представить и то, как принятие такого законопроекта скажется на ножах, пока разрешенных к обращению в Германии. К «оружию» будут отнесены ножи:

- с симметричным, сужающимся к острию клинком, с заточкой и без заточки фальшлезвия;
- с односторонней заточкой лезвия и острием со «щучкой» (типа Bowie);
- с односторонней заточкой лезвия и копьевидным острием (Spearpoint);
- нескладные с клинком длиной более 12 см, имеющие сечение в форме двойного клина, в том числе шириной

более 25% длины клинка;

— складные с фиксатором, с клинком длиной более 85 мм или если их можно раскрыть одной рукой.

Как видим, налицо запрет все тех же «цыганских ножей». С той лишь разницей, что в современной Европе на смену инквизиции пришли СМИ, третирующие меньшинство, «помешанное на оружии» (нем. Waffennarr). Политики-социалисты, сто лет назад ратовавшие за «всеобщее вооружение народа» (Эрфуртская программа), теперь заявляют: «Мы должны внушить молодежи, что нет никакой «чести» в том, чтобы носить оружие». И это в стране, где формально еще существует всеобщая воинская обязанность.

Но и это еще цветочки. Ягодки зреют в выступлении «народного избранника» от партии «зеленых» Silke Stokar. Во время прений в бундестаге та заявила: «Мы не смеем криминализовать транспортировку кухонных ножей из магазина домой. Почему невозможно в магазине запечатать и запечатать нож так, чтобы это изделие можно было транспортировать без того, чтобы оно создавало угрозы для окружающих». В переводе с бюрократического на нормативный язык, это означает для «бундесбюргеров» «приятную» перспективу обязательного «запечатывания» купленных в магазине ножей, чтобы по дороге домой не совершить «страшное уголовное преступление»...

P.S. В середине декабря 2007 г. в Гамбурге вступил в силу запрет на ношение оружия, в том числе всех ножей и газовых баллончиков (!) на Reeperbahn и Hansaplatz.

Разрешено «употребление ножей в гастрономических предприятиях»!!! Нарушителям запрета угрожает денежный штраф и конфискация ножа. Поводом для столь бессмысленного запрета стал рост числа случаев нанесения телесных повреждений в этих районах города в среднем на 8%.

Посмотрим, как изменится статистика после запрета на ношение газовых баллончиков. Проблема в том, что конституция Германии не позволяет обыскивать прохожих в местах общего пользования. «Рамки» можно будет установить только на входах в «запретную зону» в центре города...

P.S.S. Такое впечатление, что упомянутые законы написаны для... В общем, продолжающиеся реформы исполнительной власти делают законопослушного гражданина все более беззащитно перед лицом бандита, оставляя того наедине с криминальным элементом. И, заметьте, по парткомам жаловаться не пойдешь ввиду их полного отсутствия...

ФИРМА EK COMMANDO KNIFE CO

ЭФФЕКТИВНОСТЬ БОЕВЫХ НОЖЕЙ

Общеизвестно, что оружие рукопашного боя на современном этапе развития военного искусства определяется как оружие последнего шанса, когда патроны и гранаты кончились, а нож еще не потерян. Рукопашным же боем в военном искусстве является бой, при котором поражающим элементом оружия является его неотделяющаяся часть, а поражающим фактором — мускульная сила человека, при этом в процессе боя элементы поражения управления и удержания оружия не отделяются от рук человека. В настоящее время табельным оружием рукопашного боя в армиях большинства развитых стран является штык-нож, позволяющий пехотинцу применять при непосредственном сближении с противником как копье или алебарду (автомат или штурмовая винтовка со штыком), так и нож. Причем нож несет в себе функции колющего, рубящего и режущего оружия, что весьма эффективно в рукопашном бою. Иными словами, современный боевой нож должен нести в себе все функции короткого пехотного меча. При этом многофункциональность штык-ножа является причиной его недостатков — неудобства удержания и недостаточного баланса вследствие наличия элементов крепления к стрелковому пехотному оружию. В связи с этим и возникла необходимость в создании собственно боевых ножей, имеющих большую боевую эффективность, чем штык-ножи (ножи разведчика — СССР, Россия, Италия; боевые ножи — США; ножи для подразделений специального назначения — Россия, Великобритания, Вьетнам, Китай, США).

На современном этапе развития средств рукопашного боя среди изделий фирмы Ek Commando Knife Co специалистами в области оснащения пехоты США выделяются два образца, относящиеся к боевым ножам и кинжалам для рукопашного боя.

Нож «Уорриор» фирмы Ek

Commando Knife Co представляет собой усовершенствованную версию боевого ножа «коммандо» сконструированного и разработанного Джоном Эком и применявшегося пехотными подразделениями и подразделениями специального назначения США в годы Второй мировой войны, а также войн в Корее и Вьетнаме. Почтенный век данного ножа не стал помехой его популярности в настоящее время.

По мнению специалистов армии США в области рукопашного боя считают «Уорриор» эффективным ножом при выполнении основных функций боевого ножа. Высокая боевая эффективность этого ножа обеспечивается его конструкцией. Нож включает в себя клинок и сорочку изготовленные из одной полосы металла. На сорочке собрана рукоять из двух плашек, изготовленных из древесины твердых пород, склепанных двумя заклепками и двухрожкового ограничителя без загибов. Сорочка несколько выступает за пределы плашек и образует наконечник, который можно использовать в качестве оружия ударно-раздробляющего действия или предмета хозяйственно-бытового назначения — молотка. При этом закругленная форма наконечника не уменьшает его эффективности и безопасности для владельца в связи с тем, что вершина его не заточена.

Клинок ножа имеет одно основное лезвие двусторонней заточки и обух со скосом, на котором образовано фальш-лезвие для мездрения шкур животных и лучшего проникновения при колющих ударах. Скругление лезвие и скос обуха образуют острие. Общая форма клинка аналогична форме клинка ножа Боуи, обладающего повышенной эффективностью при ведении рукопашного боя. Для уменьшения трения при колющих ударах у клинка в районе ограничителя образована пятка клинка без лезвия уменьшенной ширины.

Основной особенностью данного

Вадим БОЛЬШАКОВ,
иллюстрации предоставлены автором

ножа является одинаковость длины и ширины клинка и рукоятки, что придает ножу уникальный баланс, прочность и возможность использования при различных хватах, ударах и боевых техниках.

Нож «Парагрип» также представляет собой усовершенствованную версию боевого ножа «коммандо», сконструированного и разработанного Джоном Эком и применявшегося пехотными подразделениями и подразделениями специального назначения США в годы Второй мировой войны, а также войн в Корее и Вьетнаме. Почтенный век данного ножа не стал помехой его популярности в настоящее время.

Отличием «Парагрипа» от «Уорриора» является то, что вместо деревянных плашек рукоятка формируется с помощью намотки парашютного шнура. Эффективность данного ножа повышается за счет наличия отрезка парашютного шнура длиной 5,5 м, который можно использовать в различных экстремальных ситуациях, при этом только немного уменьшится толщина рукоятки.

Исследования ножей фирмы Ek Commando Knife Co дают основания для вывода о том, что ножи, как холодное оружие, могут нести все функции в боевых условиях и на охоте. А при использовании этих ножей в качестве туристических (предметов хозяйственно-бытового назначения) достаточно изменить параметры планки, разделяющей клинок и рукоятку, до состояния, исключающего ее функции как ограничителя. При этом, по американским данным, стоимость данных ножей удовлетворяет формуле стоимость/эффективность, т.е. они могут найти свое применение для потребностей среднестатистического покупателя Украины.

Кстати, «одноразмерные» ножи Ek Commando Knife Co в полтора раза дороже ножей Puma.

★КЛИНОК

Боевой нож Ek Number 2 Commando Knife

Боевой нож Warrior Bowie фирмы «EK Commando Knife Co»

Черкесский кинжал XVIII ст.

Внизу — кинжал владикавказской работы в «новом» черкесском стиле 1916 г.

Черкесские кинжалы третьей четверти XIX ст.

КИНЖАЛ «КАМА»

ДОПОЛНЕНИЕ

Черкесские кинжалы

Несомненно, что наибольший интерес вызывают черкесские кинжалы, как таковые. Именно они приобрели наибольшую культурную известность в Европе. Однако в заданных временных рамках говорить о черкесских кинжалах затруднительно. Как уже упоминалось в предыдущей статье, ювелирное искусство адыгов едва дожило до начала XX ст.

Ныне широко известен «чаргас накыш» (черкесский рисунок) — «претворение мотивов орнамента адыгов сквозь призму художественного стиля Кубачи» (Е. Шиллинг). Следует напомнить, что кубачинцы (габечи, кумух, как их именовали кабардинцы и черкесы) уже в первой четверти XIX ст. были известны как поставщики холодного оружия и доспехов для черкесов. Вполне сформировавшийся орнамент «чаргас накыш» появляется в изделиях середины XIX ст. Расцвет данного стиля оправы приходится на последующую четверть века.

К началу XX ст. кабардинцы уже носили кинжалы, украшенные типично кубачинскими орнаментами «тута» и «мархарай». Как пример западнокавказских изделий этого периода интересен кинжал из собрания вице-президента ассоциации «Реликвия» при НАН Украины Юрия Леонидовича Покраса. Оружие выполнено в западнокавказском стиле с характерной отделкой крупной зернью и сканью. Работа владикавказская, на клинке имеются клеймо «Ибаурагим» и дата 1916 г.

В отличие от «чаргас накыш», как и прочих кубачинских «мелкорастительных» орнаментов, целиком заполняю-

щих украшаемую поверхность, для оригинальных орнаментов кабардинцев (черкесов, адыгов) было характерно членение поверхности тонкими линиями (обычно черни, реже зерни) на крупные участки различной формы, часто разделяемые незаполненным фоном.

Так создается первый слой орнамента — крупный, криволинейный или прямолинейный, часто включающий рообразные фигуры. Второй слой создается заполнением фигур крупного орнамента мелким узором, чаще всего геометрическим, иногда — мелкими растительными формами.

Большая часть черкесских ювелирных работ была выполнена в технике гравировки, черни, чеканки. А. Миллер отмечал, что для адыгов характерно редкое применение зерни и отсутствие скани. (Что, наоборот, присутствует в поздних западно-кавказских изделиях и является их отличием, авт.). Неизвестный автор статьи «Кабардинский стиль» (газета «Красная Кабарда», 1923 г.) подчеркивал избегание глубокой работы резцом и считал характерным выведение чернью тонких линий по гладкому фону, что ценилось как особенное мастерство ювелира.

«В целом адыгейский рисунок крупномасштабен и редок, в нем остаются на долю фона значительные пустые поля, что не воспринималось как художественный недостаток. Эта черта является характерным признаком стиля, подчеркивает его лаконичность и монументальность. Этот стиль совершенно не похож на густую орнаментальную манеру искусства Дагестана и Ирана... У адыгеев

Кинжал в «новом» черкесском стиле начала XX ст.

Кинжал кавалерии «хамидие» малоазиатской работы в черкесском стиле начала XX ст.

само количество мотивов орнамента значительно ограниченнее. Среди них мы можем отметить следующие.

1. Трехлепестковую фигуру.
2. Фигуру парных завитков или рогов.
3. Фигуру подобную ромбу, целую или половинную.
4. Фигуру дискообразную и грушевидную.
5. Нечасто встречающееся изображение петуха (схожее с изображениями на «сасанидских» блюдах)

6. Ряд фигур более позднего происхождения и менее стилизованных: лепестки, листочки, цветы, звездочки».

Наиболее ранний черкесский кинжал, отделанный в таком стиле, известный автору, находится в собрании саксонских курфюрстов в Дрездене. Хранитель коллекции датирует это изделие распылчато — восемнадцатым столетием.

В настоящее время найти в украинских собраниях оружие, отделанное в подобном стиле, весьма затруднительно, поэтому оно и имеет немалую ценность. В заголовок статьи вынесены примечательные кинжалы черкесской работы из собрания антикваров. Судя по стилю декора их можно отнести к 1860 гг.

В связи с этим возникает вопрос: не является ли форма рукояти кинжала признаком более пригодным для его датировки, чем для атрибутирования? Попытки относить кинжалы по такому признаку как форма головки (рукояти, ред.) к «грузинским», «хевсурским», «армянским» обычно имеют под собой один источник — книгу «Холодное оружие и бытовые ножи» под редакцией Устинова — работу советского периода, которую пора счесть устаревшей. Автор считает, что форма головки рукояти кинжала, как и сабли (шашки) чаще диктовалась таким универсальным для региона фактором как мода.

Мотив арки был присущ головкам уже наиболее ранних кинжалов конца XVIII — начала XIX ст. Затем, с середины XIX ст., стали распространяться двускатно срезанные головки, на форму которых мог оказывать влияние классический дизайн русских (казахских) кинжалов, например —

офицеров ЧКВ (Черноморского Казачьего Войска, ред.). К началу XX ст. наиболее распространенной формой головки становится вытянуто-овальная.

Сказанное отнюдь не означает того, что рукояти раннего типа не могли изготавливаться мастерами и позже, например по вкусу заказчиков. Напротив, поздние рукояти никак не могли быть присущи ранним кинжалам — если те не переделялись по моде, что, как указывает Г. Сазонов, могло происходить со старыми клинками неоднократно. Горцы следовали моде, поскольку та свидетельствовала о социальном статусе. «Если у человека хороший конь и оружие, то это хороший человек».

Кинжалы кавалерии «хамидие»

Раз уж мы затронули тему кинжалов кавказского типа малоазиатской работы, следует упомянуть и о кинжалах османской кавалерии «хамидие». Как следует из названия, данные иррегулярные формирования были созданы падишахом Абдул-Хамидом II в 1880-х гг. по образцу российских казачьих войск.

Целью реформы было как-то модернизировать архаичные феодальные ополчения. Кавалерия «хамидие» формировалась из курдов (сейчас в Турции принято говорить — горных турок, ред.), проживавших в горных районах Малой Азии вдоль российской границы (эту область иногда именуют «турецкой Арменией», хотя армяне и до восстания 1915 г. не составляли там большинства населения, ред.), а также из мухаджиров — выходцев с Западного Кавказа, Дагестана и Чечни, проживающих в Сирии и Месопотамии.

Формирования «хамидие», формально разделенные на полки и эскадроны, были построены по все тому же родо-племенному признаку. Во главе стояли родовые старшины — беки. Начальствующий, а часто и рядовой состав, образовывали бек-заде — младшие члены семейств и черкесские дворяне-уорки. Характерно, что даже в курдских частях формой одежды начальствующего состава стал черкесский воинский кос-

тюм, популярный к этому времени во всех сопредельных с Кавказом культурах и мало-помалу вытеснивший прочие.

С данным костюмом носили кинжалы по образцу кавказских, но изготовленные местными малоазиатскими оружейниками и ювелирами, в том числе — из Синопа и Трабзона (Трапезунта). Оправа оружия имеет все признаки малоазиатской работы. На фотографиях представлены два кинжала данного типа. Рукоять первого следует традиционным формам черкесского оружия, но имеет характерную ленту-бринч, опоясывающую ее по периметру. Рукоять второго широкая, головка, упоры и загвоздки менее заметны. В обоих случаях клинки конической формы, напоминают выпрямленный клинок бебута. Доны только намечены. Такие кинжалы иногда принимают за исконную малоазиатскую форму оружия, оказавшую влияние на формирование кавказского кинжала.

Кинжал кавалерии «хамидие» в малоазиатском стиле начала XX ст.

Фред Перрин — сын нормандца и парижанки, что дает основания причислять его к французам, примерно на тех же основаниях, что и каталонцев к испанцам. Юность Фреда прошла в северных предместьях Парижа, где он имел немало возможностей познакомиться с ножевым боем на практике.

Затем была довольно длительная военная карьера, в ходе которой Пер-

Мультикультурность современной Европы сделала нож и ножевой бой актуальным трендом общественной и культурной жизни, а дискуссии на ножевую тематику в европейских СМИ, как и многочисленные и разнообразные законодательные гонения на нож, свидетельствуют только лишь о востребованности ножа и навыков ножевого боя.

Каким же образом этот спрос удовлетворяется в различных локальных культурах и кто является носителем благородного искусства ножевого боя в современной Европе.

Продвинутым «пользователям», знающим французский язык наверняка знакома книга

инструктора ножевого боя и ножовщика Фреда Перрина (Fred Perrin) «Combat a l'arme blanche». Ее автор является носителем все той же римской (еще именуемой стилем «хитано») традиции ножевого боя, господствующей в Европе от Гибралтара до Таганрога. Поэтому дизайн ножей, предлагаемых Перрином, хотя он далеко не бесспорен, вызывает особый интерес. Не секрет, что лишь меньшинство современных европейских ножовщиков изготавливает ножи практического — боевого предназначения.

МАСТЕР ФРЕД ПЕРРИН ФРАНЦИЯ

рин последовательно приобрел квалификации боевого пловца, снайпера, подрывника и командира патруля. После службы Перрин довольно долго был занят в индустрии безопасности в качестве телохранителя и «консультанта». В частности он, как инструктор ножевого боя, был приглашен для подготовки GIGN — штурмовых групп национальной жандармерии. Одновременно он посвящал свой досуг изготовлению ножей и стал одним из членов-основателей французской гильдии ножовщиков. Примерно с 1990 г. их продажа стала одной из составляющих его бизнеса.

Надо сказать, что начало девяностых было периодом бурного развития французского ножевого ремесла, парижские салоны собирали участников со всего мира. Участие в них дало Перрину необходимые связи и коммерческий опыт. Не секрет, что для того чтобы стать успешным ножовщиком в Европе, следует сначала «завоевать» Америку. На завоевание Перрин отправился в 1994 г., прямо с Балкан, после известных событий.

Очевидно, что француз за океаном никто не ждал. Пришлось пробиваться.

Завоевание Америки продлилось до 2000 г. В эти годы примерно 60% рабочего времени Перрина приходилось на изготовление и продажу ножей, 20% — на тренировки и 20% — на проведение семинаров и курсов по ножевому бою. Труды принесли плоды. Перрин был принят в члены ABC — американской гильдии ножовщиков. Видимым признаком успеха стала модель FB 04 Perrin, запущенная в производство на Spyderco.

В настоящее время ножи Перрина продаются в США, Южной Америке, Африке, так же, понемногу, в Европе. В настоящее время мастер живет и работает в Нормандии, печатается во французских

специальных изданиях, тренирует в Швейцарии бойцов частной военной компании NDS (Neurone Defence System).

Появление данной частной «консалтинговой» организации в мирной и нейтральной Швейцарии весьма символично. Сейчас в европейских около военных кругах принято говорить о «регрессе» в военном искусстве. Так, в Швейцарии рядом лиц из командного состава ВС в качестве возможного сценария конфликта рассматривается «будущая длительная война, в которой милиционная армия Конфедерации будет захвачена врасплох и вся тяжесть ведения партизанских действий падет на отдельных граждан». Мысль, конечно здравая, но кто, по их мнению, является вероятным противником в этом конфликте? Вы не поверите — косовары и прочие мигрирующие с востока на запад этнокультурные группы, отрицающие производительный труд.

Применительно же к курсу NDS «Нож, дубинка, мачете» следует сказать о целях и постановке учебного процесса. Задачей является привить участникам некоторые базовые навыки во владении предметами, которые могут быть использованы в качестве оружия. Общими принципами, на которых построено обучение владению как холодным, так и огнестрельным оружием, являются «безопасность, обращение, попадание». Процесс обучения построен на постепенном усвоении предлагаемых навыков без психической и физической перегрузки, этому «усвоению» обычно препятствующей. В обучении инструкторы NDS исходят из того, что именно нож является основным орудием, используемым в конфронтации как дома, так и на улице.

В рамках данной статьи мы рассмотрим только ножи, разработанные Перрином, исходя из предлагаемой им

Тактические модели Перина сверху-вниз Military Bowie, Agent Stiletto, Military Push Dagger и Perotti Perrin Fighter,

Ножны к ножам работы Перина сверху — Military Bowie, внизу — Neck Perotti Perrin Fighter

Компактные ножи для скрытого ношения слева-направо: Shark длиной 12 и 9 см, модель Kiridashi Shark и Kralle из пластмассы G10

техники боя. Для начала — об используемых мастером материалах. Ножи Перрина не предназначены для «круторогих» потребителей, которым принято вешать на уши обычную лапшу о суперсталях вроде D2. При цене его изделий, не превышающей 300 евро, основными материалами являются стали типа 440 С и ХС75. Надо сказать, что и в ЕС поставщики особо не желают связываться с малыми партиями металла, так что добыча сырья не является для мастера такой простой, как может показаться со стороны. Сам Перрин предпочитает именно ХС75 за относительную простоту термообработки и возможность легко поддерживать остроту лезвия.

Группу компактных ножей для скрытого ношения образуют так называемые Neck Knives. Это модели Shark общей длиной 9 и 12 см, модель Kiridashi Shark и Kralle из пластмассы G10. По мнению Перрина, нож типа Shark отлично подходит для постоянного ношения, даже надетый на палец он не ограничивает свободы движений, а благодаря острому лезвию из стали 440 С является вполне работоспособным инструментом и довольно

грозным оружием в опытных руках.

Переходными между компактными и тактическими моделями являются ножи Neck Perotti Perrin Fighter с клинком длиной 6,5 см, общей длиной 13,5 см и массой без ножен 67 г и Agent Stiletto с клинком длиной 10 см. К категории полноразмерных тактических моделей относятся Military Bowie с клинком длиной 15,5 см, Military Push Dagger и Perotti Perrin Fighter — нож подобного Bowie дизайна, но с бронзированным клинком и накладками рукояти из «микарты».

Обычно Перрин употребляет для рукоятей буйволиный рог. Надо сказать, что он не особенно озабочен чистой отделкой своих изделий, предназначенных для повседневного применения. Характерное сужение рукояти тактических ножей объясняется практичным самым Перрином хватом, когда нож удерживается преимущественно тремя пальцами большим, указательным и средним. Для нанесения укола относительно короткая рукоять упирается в центр ладони.

О качествах ножа модели Spyderco-Perrin можно судить по результатам довольно длительного сравнительного теста ножей outdoor американского производства. Соперниками его выступили так же авторские модели дизайнера таких известных ножовщиков как Bill Moran, Bill McHenry, Jason Williams и производства не менее известных фирм CRCT, Benchmade, Gerber. В процессе работы с тушами животных, когда ножи испытывались именно как разделочные, ни один из ножей не показал оптимальных результатов. Нож Перрина, в частности, оказался слишком длинным (длина клинка 127 мм) и остроконечным (острие со спуском и фальшлезвием). Он легко входил в мясо, частицы которого накапливались в рифлении на обухе клинка. Рукоять из фиброгласа с резиновыми вставками оценили как эргономичную, хотя ребристая пятя клинка в качестве боевого упора — характерный

элемент ножей дизайна Перрина — не вызвала у испытателей особого восторга. Ножны из «кайдекса» с поясной защелкой, обычные для складных ножей Spyderco, продемонстрировали преимущество такого решения над подвеской с проушиной. Их можно было снять и надеть, не расстегивая ремня. В целом, нож не вызвал чрезмерных нареканий у испытателей, хотя его и использовали явно не по назначению, зато — «социально приемлемо».

КЛИНОК

По мнению Перрина, его компактные ножи не ограничивают свободы движения пальцев и одновременно являются вполне эффективным режущим инструментом

МОЙ «ДРУГ ОХОТНИКА»

Алексей БУЛАТОВ, иллюстрации предоставлены автором

Каждый охотник, любитель ножей, проходит свой путь в этом увлечении... Подбирает форму, материал, с течением времени и опытом изменяются предпочтения, критерии меняются в количественном и качественном отношении.

Принято считать, что охотничий нож — короткое клинковое, одно- или полуполерезвийное холодное оружие, используемое для охотничьих целей. Мы подразумеваем под охотничьими целями, прежде всего, разделку дичи, а нож считаем охотничьим, если он является под-

ходящим для инструментом. В настоящее время существует огромное разнообразие охотничьих ножей, которые классифицируются по таким признакам, как конфигурация, размеры, тип, назначение, используемые материалы... На первый взгляд кажется, что в данной сфере царит хаос и неразбериха, основанные на фан-

а) Из-за горбинки на обухе нож этот так и называется «сутулым». Рукоятка из темной, палисандровой древесины и односторонний ограничитель из мельхиора придают ножу уникальный вид;

б) Нож «изморозь» (узор на лезвии, проявившийся после травления производит впечатление изморози) используется, в основном, для снятия шкур и разделки тушек. Рукоять изготовлена из древесины ипе, ограничитель односторонний из титана;

в) На ноже вместо ограничителя имеется мельхиоровое кольцо. Лезвие полированное, рукоятка из светлого палисандрового дерева.

Старейшим и самым верным другом человека является не только собака, но и нож. Подобно всем нашим предшественникам во всех цивилизациях, мы пользуемся ножами в повседневной жизни, не придавая этому особого значения. Нож является, пожалуй, единственным предметом, унаследованным нами от наших доисторических предков.

В сентябре 1991 года, совершая восхождение на ледник Симилой, расположенный на границе между Австрией и Италией, группа альпинистов обнаружила в заполненной

водой ледяной впадине останки человека. Это уникальный случай, когда на леднике обнаружено тело не погибшего альпиниста, а нашего предка из неолита. Он умер более 5320 лет назад, но мумия и все, что было на нем, хорошо сохранилось. При нем оказался великолепный кремневый нож с сохранившейся рукояткою. То был прочный, предназначенный для повседневного использования нож, одно из самых древних изделий такого рода, дошедших до нас, можно сказать, в первозданном виде (на фото слева).

Материал рукояти — кап березы, береста

Материал рукояти — прессованная кожа

Материал рукояти — черное дерево

Материал рукояти — рог

Материал рукояти — орех

Материал рукояти — дерево Ипе

Материал рукояти — падуг Южной Америки

Материал рукояти — Венге

Материал рукояти — кап канадского клена

Материал рукояти — дерево каконобо африканское

На фото внизу обозначены: 1 — лезвие; 2 — обух (спинка клинка); 3 — режущая кромка РК (15 град, 20, 30, бритвенная заточка);
4 — пятка клинка (рикасо); 5 — оковка с односторонним ограничителем;
6 — рукоятка; 7 — торец; 8 — брюшко;
9 — спинка рукоятки, 10 — скос, может быть ровный, линзовидный, выпуклый, вогнутый

фото 3

Приспособления для правки ножей — сверху — уникальный оселок 1900 года (с одной стороны желтая кость мамонта с другой черный графит). Нижний оселок — нулевой. Между ними алмазные надфили

Материал рукояти — кап акации

тазии мастеров. Однако на самом деле имеет место пыливый поиск наиболее рационального решения, основанный на практическом применении, опыте и традициях. Каким бы странным и оригинальным с виду не казался охотничий нож, он имеет одни и те же детали, что и обычный туристический или кухонный. Для изготовления рукоятей мастера используют различную древесину, в том числе и дорогостоящую, кап и некоторые другие материалы:

- кап канадского клена,
- пагуд Южной Америки,
- венге,
- кап акации,
- кокобоа африканское
- орех
- прессованная кожа
- дерево ипе
- рог (лося, козы)
- черное дерево
- кап березы, береста.

Древесина того или иного вида, или кап, после обработки и полировки имеют свою структуру, уникальный рисунок, придающие ножу привлекательный вид. Рукоятки из древесины и капов после просушки и обработки, приобретают изрядную твердость, и охотничий нож становится легче, легче по сравнению с ножом, снабженным костяной рукояткой. Рукоятки из прессованной кожи, бересты выглядят элегантно и красиво, но при снятии шкуры с убитого зверя, разделки дичи эти материалы впитывают кровь и отмыть их практически невозможно, чего не скажешь о рукоятках из капа или рога, которые легко моются теплой водой.

Для изготовления клинков охотничьих ножей используются различные виды сталей. В России и странах ближнего зарубежья это стали: 110X18, 95X18, 65X13, 95X13, 40X13, 50X13, X12BM, X12MF, У8.

В США для этих же целей широко используются стали 440, 440C, 440A, иногда более дорогие — D2, 154K. Кроме того, применяется и порошковая сталь CPT-T-440C.

Классической немецкой сталью для охотничьих ножей считается X155 Cr V Mn 121 (содержит 12% хрома, 0,7% марганца, и 1% ванадия).

Швеция «предпочитает» Sandvik (12C27).

Охотничьи ножи из стали X12MF

Марка стали	Углерод (C)	Марганец (Mn)	Хром (Cr)	Кремний (Si)	Никель (Ni)	Ванадий (V)	Молибден (Mo)	Примерный аналог
420HC/425 modified	0.45-0.54	0.80	13.50-14.00	0.30-1.0	—	0.18	1.00	50X14MF
AUS-6	0.35-0.45	1.00	13.00-14.30	1.00	0.40	0.10-0.25	—	65X13
440A	0.45-0.75	1.00	16.00-18.00	1.00	—	—	0.75	75X18
AUS-8	0.70-0.75	0.50	13.00-14.50	1.00	0.40	0.10-0.26	0.10-0.30	75X14MF
440C	0.95-1.30	1.00	16.00-18.00	1.00	—	—	0.75	95X18Ш 110X18MШ
154CM	1.03	0.30	14.00	0.30	—	—	4.00	95X18Ш (95X13M3K367Ф)
A1534	1.03	0.40	14.00	0.35	—	—	4.00	11X14M4Ф1 (X14M4Ф)
S30V	1.43	—	14.00	—	—	0.40	2.00	—
D2	1.55	0.50	11.00-13.00	0.45	—	0.90	0.80	X13MF
5K5	0.80-0.90	0.50	0.30	0.35	0.35	—	—	У8Г, У9
1093	0.90-1.03	0.30-0.50	—	—	—	—	—	83
0170-4C/ 301038	1.00-1.10	1.00	0.45	0.25	0.30	0.35	—	10X4

автору не часто приходилось видеть. Сталь такой марки обычно применяется для изготовления штампов, используемых при процессе холодной штамповки. Материал обладает высокой вязкостью, отлично куется и поддается термической обработке.

Все ножи, представленные в данной статье, изготовлены одним и тем же мастером. Владельцам таких ножей следует помнить, что лезвие затачивается лишь один раз, а потом только правится.

Больше года я работал ножом, представленным на фото в заголовке статьи, разделывал различную дичь и не правил режущую кромку, а только в этом году, повстречав мастера, попросил его поправить лезвие.

Следует отметить, что мастера «своего» я хорошо знаю, и работу его ценю. Ведь мне неоднократно приходилось сталкиваться со вполне внешне соответствующими самому взыскательному вкусу изделиями некоторых других мастеров, работать с которыми было просто невозможно. При вдумчивом анализе оказывалось, что некоторые мастера не вполне владеют искусством термомеханической обработки. Зачастую нарушают ее последовательность и не выдерживают должным образом режим. А ведь термомеханическая обработка, проведенная неправильно, может свести на нет все усилия мастера, сделать качества режущей кромки неудовлетворительными вне зависимости от качества исходного металла.

Некоторые охотники «хващаются»,

что они владеют ножами, которые рубят гвозди или крупные кости копытных, но ведь для этих целей существуют зубило и топор. Настоящий охотник использует нож только по назначению: для снятия шкуры, разделки туши. Сталь X12MF считается одной из лучших и приравнивается к американской стали D2, а ножи из нее, как говорится, стоят своих денег. Это настоящий охотничий инструмент.

Таков мой личный вывод.

Таким ножом мне удавалось практически полностью снять шкуру и разделать отнюдь не самого малого кабанчика.

Конечно, споры о том, насколько хорошо и долго должна держать свои качества режущая кромка при работе будут вечными... Кто-то, с удовольствием от уже проделанной работы и в предвкушении ее продолжения, будет достаточно часто поправлять режущую кромку. Кто-то предпочитает сделать весь объем работы без перерыва. Кто-то может приобрести нож подороже, а кто-то воспользуется изделием попроще.

Как правило, все рассуждения на эту тему подкрепляются сравнением ножей, клинки которых выполнены из сталей X12MF, 95X18 и 65X13. Стабильность удержания качества режущей кромки лезвия уменьшается от первой к третьей, зато коррозионная стойкость увеличивается от первой к третьей.

Выбор же, в итоге, является результатом личных предпочтений, опыта и... умения терпеливо и вдумчиво работать ножом и ухаживать за ним.

ЛЮБИМОЙ ФИРМЫ

ПАСЫНОК

Ножи Cold Steel пользуются в Украине устойчивым спросом и имеют высокую репутацию среди всех категорий найфоманов, в том числе и среди адептов искусства ножевого боя.

Если судить по наличию, а собственно — их отсутствию, складских запасов у отечественных дилеров, наиболее популярными являются модели Tri-Lite, Vaquero и Voyager с клинком длиной 6 дюймов.

Все три модели вполне пригодны для использования в качестве спортивного снаряда для отработки уколов и резов, с каковой целью их, собственно и приобретают.

Однако репутация репутацией, но лично автору Voyager не понравился с первого взгляда. Перефразируя кота Бегемота из бессмертного романа Булгакова: только взглянул и сразу не понравился. Причина тому в рукояти. Она очевидно тонка для комфортного удержания ножа даже в ладони малого размера. При попытках как-то подружиться, ведь репутацию изделий Cold Steel подтверждают и уважаемые автором отечественные специалисты-практики, обнаружилось еще одно неприятное свойство шестидюймового «путешественника».

Речь идет о фиксаторе. Благодаря наличию вспомогательного штифта (Pin) диаметром 6 мм на клинке нож можно легко раскрыть одной рукой. Но в процессе эксплуатации подпружиненный рычажный фиксатор (Midlock) обнаруживает и опасный для оружия недостаток. В данном конкретном изделии при закрытии ножа он срабатывает при усилии в 5 кг и перемещении на 2 мм. Вроде бы это-

С клинком в 6 дюймов Voyager X2 выглядит весьма впечатляюще

Федор ОГРЫЗКОВ,
иллюстрации предоставлены автором

Пользователям предлагается модельный ряд с клинками размером от 3 до 6 дюймов

Форма рукояти позволяет удерживать нож различными хватами

Вариант развития концепции Voyager-ов — нож Cold Steel G-10 Espada XL Folder Blade, Flat Dark Earth

складных ножей в мире. Субъективно, ось рычага в «Вояжере» производит отличное впечатление: стальная (притягивается магнитом), вязкая (обрабатывается надфилем), большого диаметра, прочно зафиксирована.

Однако фиксатор типа Backlock (Midlock), как челюсть крокодила или дверца сейфа, работает «на разрыв». Попросту: чтобы нож не сложился при действии (клинка) на фиксатор «изнутри». Легкость обратного усилия — «на сжатие» предусмотрена в Midlock конструктивно: плечи рычага короткие, что и является ахиллесовой пятой конструкции. Если держать нож как саблю — с наложением большого пальца на спинку рукояти, что практикуется на больших дистанциях боя, да и увеличивает рубящее действие оружия, то большой палец находится в опасной близости от клавиши фиксатора. Нажатие его в

состоянии боевого стресса, вызванного выбросом адреналина, отнюдь не исключено. Где тонко, там и рвется. Поэкспериментируйте сами: в одном каком-нибудь (несчастном) случае — обязательно получится! Поэтому вполне прав эксперт, утверждающий в своем заключении, что при нанесении ударов представленным на экспертизу ножом не исключена возможность отключения фиксатора. В этом отношении куда более безопасными являются предлагаемые Cold Steel ножи с фиксаторами типа Linerlock и Axislock.

Несмотря на «двуручный» размер «Вояжер» весьма легок, имеет массу всего 180 г., как у многопредметного Викторинкса с клинком длиной 85 мм. Он в достаточной степени компактен, благодаря наличию клипсы легко помещается в кармане (просторных) джинсов. Забавно торчащий наружу хвостовик сиг-

нализирует о наличии ножа всем, кому это может быть интересно. Выхватить нож из кармана можно только сильным рывком — по крайней мере, не вытащат.

Легкость и, вместе с тем, поперечную прочность конструкции обеспечивает использование полиамида «Zytel» производства Du Pont. Это легкий (плотность 1,47 г/см³) прочный, изолирующий, термостабильный материал. При необходимости «Вояжер» легко очистить от органических веществ провариванием, например — от набившихся внутрь при разделке мяса частиц жира и крови. Несколько хуже обстоит дело с минеральными частицами, попросту — с песком. Причем совсем не обязательно рыться ножом в пляжном песке, вполне достаточно и содержимого карманов. Это вы думаете, что они чистые: скажите об этом ножу (револьверу). Такова обратная сторона американской моды — использовать вместо футляра клипсу. При загрязнении механизма тот начинает заедать и требовать смазки, что усиливает абразивный эффект трения. К сожалению, нож собран на заклепках, а не на винтах, как многие отечественные кустарные изделия старого доброго времени и для чистки (для «поиграть») его не разберешь.

Следует признать, что на протяжении многих лет (восьми — если сравнивать доступные автору конкретные изделия модельного ряда «Вояжер») качество их изготовления остается стабильным. Японский центр ножевой промышленности Seki City, где производят «Вояжеры», сосредоточил в себе, вероятно, большую часть производства ножей на рынок США. Почему Cold Steel из соображений экономии и перенесла часть своего производства в более «дешевые» производственные районы: на Тайвань и в Южную Африку, где китайский бизнес активно использует местную дешевую рабочую силу. Интересно будет сравнить ножи японского производства выпуска прошлых лет с китайскими изделиями, завезенными одним из дилеров напрямую из Поднебесной, предлагаемыми на нашем рынке существенно дешевле.

Сталь VG-1, из которой изготавливают клинки ножей модельного ряда «Воя-

жер» в настоящее время (прежде использовали японскую же AUS-8A) согласно данным производителя считается «лучшим компромиссом из шести сортов сталей», применяющихся в изделиях фирмы. Такой вполне нейтральный источник, как Schweizer Waffen-Magazin в свое время указал химический состав этой стали близким к табличному для AUS-8A (см. таблицу).

На практике сталь VG-1 показывает себя хорошо держащей заточку, вязкой — режущая кромка из нее не выкрашивается, однако склонна к коррозии под воздействием различных органических кислот — попросту экзотических фруктов, начиная с (незрелых!) персиков, бананов и заканчивая вошедшим в моду лаймом. Светские «понты» обошлись автору коррозией клинка свежеприобретенного «Вояжера», а «Викториноксу» — хоть бы хны.

Загадка относительно меньшей устойчивости стали VG-1 против коррозии, в сравнении со сталью 1.4110, употребляемой фирмой Victorinox, проста. Причина — несколько меньшее содержание хрома (12%) при относительно большем содержании углерода (0,68%). Хром необходим для образования на поверхности стали диоксида хрома, в СССР легирующая добавка в 13% хрома считалась минимальной для нержавеющей стали при условии ее закалки и тщательной полировки. При этом содержание хрома без дополнительных легирующих добавок нельзя увеличивать до 14-18%, так как это способствует уменьшению твердости стали, что компенсируется добавкой ванадия, способствующего образованию мелкозернистой режущей кромки. Высокое содержание углерода также способствует коррозии.

Раньше в СССР по следам коррозии определяли «на глаз» высокоуглеродистые, пригодные для ножей, сорта «нержавейки». Легирующая добавка молибдена (0,12%), способствующего уменьшению коррозионной способности высокоуглеродистой стали, в японской стали также относительно мала. Однако прямое сравнение режущих качеств обоих ножей бессмысленно, у них разное предназначение.

Слабое место конструкции фиксатора проявляет себя в зависимости от величины допусков деталей механизма

**И?..
Да ничего...**

Таблица №1. Сравнительная характеристика химического состава сталей

МОДЕЛЬ	Fe	Cr	C	Si	Mn	Mo	V
Cold Steel VG-1	85,7	12,3	0,68	0,57	0,32	0,12	0,12
Victorinox 1.4110	84,8	14,0	0,50	—	—	0,60	0,10
AUS-8A	13-15	—	0,7-0,75	до 1	до 0,5	0,1-0,3	0,1-0,3

16 ! лет

> ПОДПИСКА

★ 2003
★ 2004
★ 2005
★ 2006
★ 2007
★ 2008
★ 2009
★ 2010
★ 2011
★ 2012
★ 2013
★ 2014
★ 2015
★ 2016
★ 2017

★ **клинок 2018**

Український спеціалізований журнал

Клинок

которой нет равных
ИНФОРМИРОВАННОСТЬ
ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!
ЧИТАЙТЕ!

**ПОДПИСНОЙ
ИНДЕКС 06540**

с 2018 году журнал "КЛИНОК"
выходит 1 раз в три месяца

(4 номера в год)

www.presa.ua

ПОДПИСКА НА 2018 ГОД
ВО ВСЕХ ПОЧТОВЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ УКРАИНЫ!

